

Сергей Ленин

Откровения у костра

**Эротические истории.
Любимый Иркутск**

Сергей Ленин

**Откровения у костра. Эротические
истории. Любимый Иркутск**

«Издательские решения»

Ленин С.

Откровения у костра. Эротические истории. Любимый Иркутск /
С. Ленин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858590-6

Поздравляю, в твоих руках книга о любви, эротике и взаимоотношениях полов — мужчины и женщины. С древних времён и до настоящего времени эта тема волновала людей и будет волновать всегда, пока живёт человек. К этой теме трепетно и деликатно прикоснулся автор повествования. Вперёд в пучину страстей! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-858590-6

© Ленин С.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
1. Олеся и Леопольд. Любовь иркутского художника	7
2. Старый козел	10
3. История Светланы	13
А волны и стонут, и плачут...	14
Мелодия любви	17
Бесстрашный ботаник	20
Сексофилософопатолог	26
Окончание истории Светланы и Аркадия	28
Голубоглазая блондинка	32
4. Истории про Федора	35
Девичий разговор	35
Волшебник и волшебство	38
Бегство в Усть-Илимск	41
Любовь и зарождение новой галактики	44
Топором по любви не хотите?	47
Забота о здоровье. Умирать-то неохота	50
Свадьба и брачная ночь на осколках битого стекла	52
Верность – лучшее качество донжуана	54
6. Мужские гулянки и измены в эпоху социализма	57
По грибы да по ягоды в тайгу или Персики да розочки	57
Поджаренные яйца	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Откровения у костра Эротические истории. Любимый Иркутск

Сергей Ленин

Иллюстратор Андрей Ермаков

Дизайнер обложки Мария Брагина

Иллюстратор Алексей Яшкин

Иллюстратор Оксана Яшкина

Иллюстратор компьютерная графика Решетников Сергей

Редактор Светлана Булкина

© Сергей Ленин, 2018

© Андрей Ермаков, иллюстрации, 2018

© Мария Брагина, дизайн обложки, 2018

© Алексей Яшкин, иллюстрации, 2018

© Оксана Яшкина, иллюстрации, 2018

© компьютерная графика Решетников Сергей, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4485-8590-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

В этом обновленном сборнике эротические истории. Что в них интересного? Да кто его знает... Просто со стародавних времен эта тема всегда была актуальной. Вот электричества не было, а эротика была. Да еще какая! Посмотри на иллюстрацию, которая приведена здесь. Замечательный иркутский художник Андрей Ермаков изобразил меня в облики древнего монаха. Запретный эротический костер страсти воспылал на этой картине – художественном ремейке от неизвестного автора из далекого прошлого. Видать, эротикой в старину интересовались представители всех специальностей, профессий и сословий. А мы-то хуже их, что ли? Давай попробуем поговорить на эту тему, но уже с современных позиций о нашей обыденной жизни. Если тебя эротика не волнует, проверься – живой ли ты или уже лапы завернул? Да живой, не беспокойся, если читаешь эти строки. Здесь нет пошлости, не волнуйся. Книга написана экспромтом на одном дыхании и живым языком. Это издание дополнено новыми рассказами и иллюстрациями замечательных иркутских художников Алексея и Оксаны Яшкиных, а так же компьютерной графикой. Вперед! Поехали в глубину жарких событий, наслаждений, переживаний, печали, иронии, драм и философских размышлений.

1. Олеся и Леопольд. Любовь иркутского художника

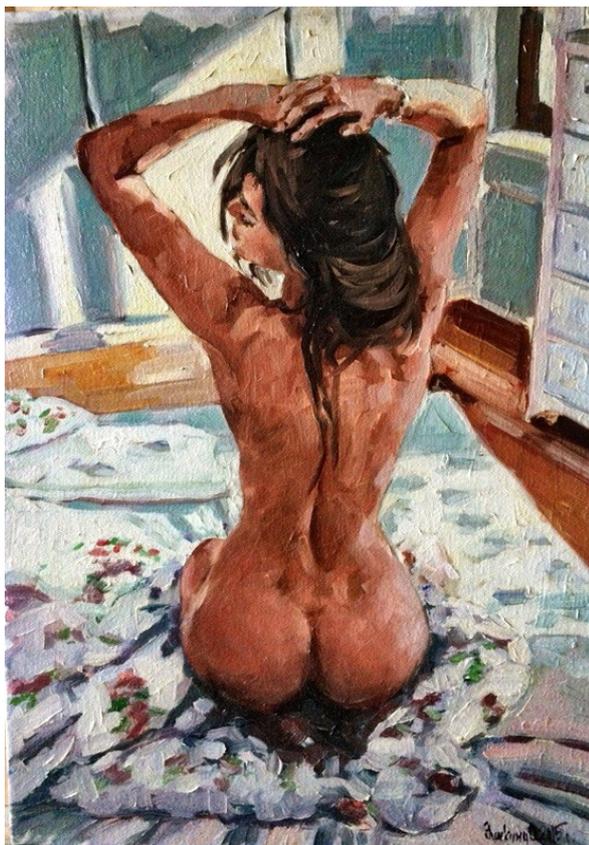
Мутное время перестройки опускалось густым туманом на когда-то самую сильную социалистическую страну. Шли девяностые годы двадцатого столетия. Потрескивали сучья в таежном костре. Он, как одинокий маяк посреди океана, отбрасывал световые блики в кромешную темноту, указывая путь к человеческому логову в лесной глуши. Языки пламени плясали свой танец с бубнами. Только бубны уже все обгорели, а пепел от них унесло выше сосновых вершин и развеяло по всему околотку еще никем не тронутой тайги. Вернее, она была слегка тронута людьми. Летнаб (летчик-наблюдатель) пожарной авиации по охране лесов Толик Семенов по благу забросил корешей в почти непроходимую тайгу. Видишь ли, они устали от мирской суеты. Стресс им снять надо необычным образом, понимаешь. Вот и залетели в таежную глушь к истокам реки Лены. Ох, если бы Серегина жена Лена увидела эту сцену, она бы дала прорваться всем этим отшельникам, валяющимся в дымину пьяными в палатке. Ух, блин, по их хрустальному и ранимому самолюбию проехал бы отрезвляющий бульдозер здравого смысла. Но цивилизация была далеко. Мужики, громко посапывая, смачно храпели, а Леопольд сидел один. Ему взгрустнулось. Мохнатые крылья трогательных воспоминаний накрыли сознание уже немолодого самобытного художника, возвращая его в далекие годы молодости и беспечности. Перед ним открылось полотно его жизни, пожалуй, самая милая, самая дорогая и трогательная картина.

Вот Леопольд сидит в своей художественной мастерской, что в подвале кинотеатра «Пионер» на улице Карла Маркса в Иркутске. Он весь поглощен работой. Предстояла премьера фильма «Виннету – вождь апачей», и надо было своевременно сделать рекламный плакат. Работа близилась к концу, но вдруг нечаянно опрокинулась банка краски. Она залила пятном мужественное лицо главного героя Пьера Бриса.

– Ну блин, – начал чертыхаться Леопольд, – опять непраха сегодня.

В этот момент дверь каморки приотворилась. Ее холостяцкий бедлам осветило милое личико девчонки. Леопольду некуда было идти после рабочего дня. Никто его не ждал. Жилья в Иркутске не имел, вот и работал как папа Карло, тут же и жил. За порядком в каморке он сильно не следил. Рабочий хаос сопровождал Леопольда всю жизнь.

– Девушка, вы ко мне? – начал игривым тоном шутить Леопольд. – Будете позировать для бессмертного произведения? Я вижу ваше обнаженное тело в свете увядающих закатных лучей солнца. Вы ярче всех тициановских героинь. Рембрандт отдыхает. Ой, как я вас изображу!

Солнечный луч скользнул по летнему платишку девушки. Она стояла, робко и замороженно глядя на иркутского живописца, с творчеством которого еще не успела познакомиться мировая общественность.

– Что вы такое говорите? Если мой папа узнает, он просто убьет меня, да и вас заодно, – тихо произнесла Олеся.

– Фу, какая дикость. При таком раскладе мир не увидел бы «Даная» Рембрандта, «Купальщиц» Гюстава Курбе, «Перед баней» Пьера Огюста Ренуара, «Олимпию» Эдуарда Мане. Проходите, пожалуйста. Меня зовут Леопольд, – весело улыбаясь, сказал художник.

– Меня зовут Олеся, – звонко засмеялась девчонка. – Как красиво и увлекательно вы говорите, – включилась в разговор очаровательная Олеся.

Уже через минуту они пили чай и громко смеялись. Леопольд рассказывал Олесе, как он по причине отсутствия жилья ночевал в огромном шкафу художественной академии в Ленинграде, когда учился в реставрационном художественном училище. Как стоял на стреме и чуть не попал в банду профессиональных ленинградских воров. Он говорил о своих трудностях и тяготах тепло и весело, с присущим ему природным чувством юмора. Олеся была просто заколдована этим уже взрослым парнем. Леопольду было 25 лет, а Олесе только что исполнилось 19.

Вот уже в ход пошло вино «Ркацители». Его терпкий вкус с легким алкогольным дурманом растопил защитную реакцию девушки, и вот она, уже обнаженная, сидит посреди каморки художника. Она доверилась Леопольду. Солнечный луч угасающего заката пробежал по упругой девичьей груди, касался губ, отражался в озере ее голубых глаз. Казалось, что среди разбросанных тут и там планшетов, деревянных заготовок для рекламных щитов, обрывков холста, из-под земли начал бить родник. Родник чистой, как слеза, студеной воды. Тайный источник, манящий своей свежестью и непорочностью.

Наш Рембрандт сидел обалдевший и замороженный. Он не мог оторвать взгляд от красавицы. Он не мог начать писать картину. Когда он вставал, чтобы размять свое тело от перенапряжения, попереминался с ноги на ногу, Олеся испуганно вскрикивала, закрывала обнаженную грудь ладонями. Картина так и не получилась, но он сблизился с Олесей, как может сблизиться молодой мужчина с молоденькой девушкой. Сблизился и уже не отпускал никогда. Спустя немного времени они лежали в своей импровизированной постели.

– Милая, – нежно обратился Леопольд к своей избраннице, – а не завести ли нам ребеночка? Я очень хочу, чтобы ты подарила мне наследника или красавицу дочку.

– У меня уже два месяца задержка, дорогой. Я не знала, как сказать тебе об этом, – заговорила Олеся, нежно целуя своего Рембрандта, Ван Гога, Тициана, он ей был дороже всех этих названных гигантов кисти и холста.

Это был ее Леопольд, так и не нарисовавший бессмертный портрет своей любимой.

Отец Олеси Георгий Павлович вопреки ожиданиям убивать дочку и зятя не стал. Он с любовью посматривал, как нежно и трепетно Леопольд обнимает за талию стройную фигурку Олеси. Он, как мужик, понимал своего зятя и радовался за дочку.

Потом молодую семью охватили приятные заботы: на свет появилось два сына, два наследника – Василий и Илья.

А портрет жены, наверное, еще предстоит написать.

2. Старый козел

В палатке что-то зашевелилось, видать, сработали «гидравлические будильники». Один за другим из удушья алкогольного тумана и сизого перегара выползают двое: Серега и Михалыч. Зевающий Леопольд передает свой пост кострового Сергею и уползает в палатку, чтобы во сне вернуться в свои грезы по ушедшей молодости, если повезет, конечно, сразу отрубиться и провалиться в сказочный мир сновидений. Вот пусть Серега теперь и ведет дальнейший рассказ о наших приключениях в предгорьях саянских отрогов, где красота природы просто завораживает, располагая к открытым, честным и откровенным разговорам.

– Ничего не поделаешь, раз высунулся, буду вести рассказ о наших приключениях и воспоминаниях, – улыбнулся Серега.

Серега продолжил:

– Сидим у костра. Михалыч палкой начинает разгребать угли. Вдруг – пых! Просмоленный сук выстреливает, ударяясь о тлеющие угольки, подпрыгивает. От удара или ударной волны во все стороны разлетаются огоньки. Я суетливо стряхиваю их со своей штормовки. Смотрю на Михалыча, а он пляшет, как будто ему скипидаром смазали одно место. Прыгает, верещит, потом падает на траву и начинает перекатываться с боку на бок. Я не понимал, что происходит. Как помочь Михалычу?

Потом все внезапно, как и началось, резко успокоилось.

Оказалось, это один тлеющий уголек залетел Михалычу за шиворот и жег его, пока не догорел совсем. Михалыч потряс своей телогрейкой, как трясут собаки своей шкурой, вылезая из реки, присел и начал свой рассказ.

– Понимаешь, Серега, мы с тобой почти ровесники, нам уже за пятьдесят, есть и мудрость, вроде бы, и жизненный опыт. Но случается порой такое, что сердце плачет и его раздирает на части. Послушай меня.

Недавно ко мне в душу так же внезапно, залетела огненная молния, а потом растворилась, погасла и исчезла, оставив незаживающие ожоги да ноющую боль в моем сердце. Было это в прошлом году. Меня как главврача санатория командировали в город Сыктывкар для участия в конференции врачей. Со мной поехала девчонка-практикантка, ей предстояло выступление на секции молодых специалистов. Облздравотдел командировал нас.

Сначала мы на поезде добрались до нашего северного города Братска, там пересели на самолет. Потом опять поезд, автобус – приехали за полночь. Устали как собаки. С размещением в гостинице были накладки.

Дежурная до утра поселила нас в одноместный номер. Мы и этому были рады. Скинув куртки, не раздеваясь, мы улеглись на узенькую кровать и провалились в крепкий сон. Просыпаюсь под утро. Наташа, так звали девушку, прижалась спиной к стене. Ее белокурые локоны расплескалась на моей груди. Одна рука обнимала меня. Девчонка посапывала во сне и периодически вздрагивала. Я попытался отодвинуться, чтобы освободить немного места на кровати. Но она во сне, инстинктивно, прижималась ко мне. Я пытаюсь немного развернуть Наташу, чтобы ее сон продолжился лежа на спине. Она прижимает мою ладонь к своей груди.

Боже, я такой груди еще ни разу не встречал и не ощущал. Она просто рвалась наружу из-под ее кофточка. Сквозь этот упругий бугорок я начал слышать, как бьется сердце девушки.

А она во сне, видимо, боясь остаться одна, бессознательно, прижимает и прижимает меня к себе. Ее губы начинают шептать: «Я боюсь, я боюсь, не бросай меня, мне страшно».

Я лежу, весь зачарованный, молча. Я боюсь шевельнуться, чтобы не разбудить это божественное создание.

Первые лучи восходящего солнца заглянули в окно нашего гостиничного номера. Сумерки понемногу начали таять, уступая свои владения морозному утру.

Потом... я проваливаюсь и тону, как в омуте, в поцелуях этой красавицы. Я никогда раньше не обращал на нее внимания на работе. И когда всем коллективом ехали в автобусе с работы, она тоже не притягивала моего взора.

А сейчас... Ее поцелуи все ниже и ниже. Я не заметил, как на нас не осталось никакой одежды. Наверное, во время «рукотворного» ночного землетрясения, стены этой гостиницы ходили ходуном. А причиной этого «природного» явления были мы с Наташей.

Закончилось все так же внезапно, как и началось. После длинной паузы послышалось: «Михалыч, прости меня. Это какое-то наваждение. Сейчас мне стыдно перед самой собой. Я никогда не позволяла себе быть такой раскрепощенной даже со своими парнями». «И много их у тебя было?» – ласково спрашиваю я. «Нет, вы третий», – задумчиво со слезами на глазах произносит Наташа. Я успокаиваю девушку, говорю какие-то банальности. А она сидит и молча плачет. На регистрацию семинара мы опоздали. Когда спускались по лестнице, гостиничные горничные и администратор с нескрываемым интересом рассматривали нас, шушукались. Конференция закончилась, все участники начали разъезжаться. Меня оставили на совещание с заместителем министра здравоохранения.

Наташа уехала, я даже не успел с ней попрощаться.

Приехав домой, я с удивлением узнал, что она без объяснения причин написала заявление об увольнении и отбыла в неизвестном направлении...

Михалыч говорил, а из глаз его текли слезы.

– Успокойся ты, старый козел, – ласково обнимая друга, сказал Серега. Что тут можно сказать еще?

3. История Светланы

Постепенно из палатки к бархатному теплу костра выползли из своей берлоги-палатки все остальные добровольные отшельники. Костер, как миниатюрный термоядерный реактор, высвобождал из хвороста тепловую энергию солнца. Она была законсервирована в древесной структуре поленьев. Они когда-то были деревьями и тянулись к свету, согреваясь в лучах нашего светила и впитывая его энергию. А сейчас поленья сами отдавали это тепло людям.

Костер монотонно потрескивал. В наш с Михалычем разговор вклинился Федотыч. Он врач редкой квалификации, что-то вроде психоаналитика и сексопатолога в одном флаконе. Лечит расстройства типа нимфомании и какие-то другие. По-простому, это когда баба хочет всегда и со всеми без разбора. А он нам научно пояснил, что нимфомания – это чрезмерное половое влечение у женщин, вид гиперсексуальности. При этом характерна постоянная сексуальная неудовлетворенность и эротическое фантазирование, непрекращающиеся поиски новых партнеров и, вследствие расторможения сексуального поведения, случайные половые связи.

Он открыл нашему вниманию исповедь своей пациентки Светланы. О том, как мерзкий «джентльмен» Ашот Абрамович направил молоденькую девчушку в сексуальный фарватер путешествия по жизни. А тщедушный ботаник Аркадий Васильевич подхватил этот хрупкий кораблик и сам же разбился о рифы жизненных будней и сексуальных бурь молодой нимфетки.

А волны и стонут, и плачут...

– Мама, а что такое аборт? – спросила третьеклассница Света у своей заботливой и внимательной мамы.

Мама сначала испугалась, потом растерялась. Затем, взяв себя в руки, рассказала дочери в мельчайших подробностях о половых отношениях мужчины и женщины, о нежелательной беременности и ее прерывании. Дочь слушала внимательно. Глаза ее светились детским любопытством.

– Ничего себе, как все сложно-то, мама, – с недоумением воскликнула Света, когда мама закончила свое повествование.

– А где, Светик, ты услышала это слово? – поинтересовалась мама.

– Да мы сегодня на уроке пения разучивали песню «Прощайте, скалистые горы»: А волны и стонут, и плачут, и бьются *аборт* корабля, растаял в далеком тумане Рыбачий, родимая наша земля», – пропела Света.

Маму покорило.

– Не аборт, а о борт корабля. Надо правильно петь, Света, – сказала обескураженная мама.

Но дочь уже была вооружена сокровенными знаниями.

Когда в институте к ней клеились пацаны, в ее ушах звучала мелодия вышеназванной песни и дальше простых поцелуев дело не заходило.

Но однажды на третьем курсе на их историческом факультете проводился медицинский осмотр. Света оказалась одной из немногочисленных девственниц на студенческом потоке. Подруги начали ее обидно дразнить. Типа «отстой, сельпо, жизни не видала».

Света решила исправить этот, как ей казалось, недостаток. Не нашлось такого человека, который бы объяснил девчонке природные вековые ценности целомудрия. Мама с прошлого раза на сексуальные темы с дочкой не разговаривала – замкнулась после того конфуза.

И вот избранник Светы, предназначавшийся по ее воле в ремонтники девичьей проблемы, вернее в ее устроители, твердым шагом ведет зеленоглазую брюнетку в съемную квартиру. Ашот Абрамович – настоящий многоопытный сибиряк с примесью множества горячих кровей. Он, как штурман, должен проводить девушку в ее «светлое» будущее. В сумке у него дорогой армянский коньяк и шоколадка.

Светлана, как и все другие девушки, перед встречей с трепетно ожидаемой близостью была переполнена романтическими фантазиями. Она представляла, как ее мужчина будет читать стихи, восхищаться ее красотой. Она начинала ощущать легкие, нежные и волнующие прикосновения. Ей слышался бархатный баритон, с придыханием клянущийся в вечной любви. Ее обволакивали еще неизведанные сладострастные облака любви. Все ее женское естество начинало ликовать в ожидании восторга взрослых отношений. Однако, прелюдия была недолгой. Ашот Абрамович раздел Свету и начал доставать из ширинки свой инструмент. Света с перепугу бросилась в ванную комнату и закрыла за собой дверь на защелку.

– Зачѐм позвала? Ты что творишь? – гневно кричал горячий «гинеколог».

Когда дверь отворилась, ремонтник-освободитель нагнул Свету и со всего маха всадил ей кожаный кинжал – свой волшебный инструмент. Промахнулся специалист и попал чуть выше цели туда, где девственной плевры не было предусмотрено природой. От острой проникающей боли Света чуть не потеряла сознание. Затем вдруг ее как бы ударила молния. По телу побежали электрические разряды. Начались легкие судороги. Светка погрузилась в мощный струйный оргазм. Она то улетала в космос, то возвращалась на землю. Сфинктер ее судорожно сжимался и разжимался. Веселый инструмент Ашота Абрамовича как будто бы сжимали и разжимали бегающие пальцы девичьей руки внутри своего тела. Он закричал, как тигр в начале погони за антилопой. Жаркое семя оросило лоно Светланы. Напор добровольца стал ослабевать. Но сжимающие и разжимающие движения внутренних мышц девчонки заставляли его много раз продолжать возвратно-поступательные движения. Потом почти без сознания они лежали в постели.

Когда силы начали возвращаться, Ашот Абрамович, как настоящий джентльмен, поцеловал Светкину руку, извинился, что с первого раза не все получилось по намеченному плану. Пообещал прийти еще. Забрав недопитый коньяк и, галантно раскланявшись, ушел. Света лежала, чувствуя себя опустошенной и униженной. Размер инструмента освободителя от девственности, к счастью, не был угрожающим. Больших проблем ей не доставил. Горело внизу живота и сзади, ноги не сдвигались. Но Светка вдруг начала ощущать себя счастливой. Она то теперь покруче всех ее подруг, которые еще недавно насмеялись над ней. Они со своими однокурсниками еще ни разу не достигали оргазма. А она...

По окончании института она пойдет работать в архив. А там будет Аркадий Васильевич. Такой долговязый ботаник в очках с толстыми стеклами. Ах, какой у него будет инструмент! Скрипка, нет, нет... виолончель. Музыка любви заполнит сердце девчонки, но все это будет потом.

Мелодия любви

Уже не очень молодой архивист Аркадий Васильевич был всегда ухоженным и опрятным. Он был на хорошем счету. Работу знал досконально. Нареканий от посетителей и клиентов архива не имел. На работу к нему нередко залетали почирикать красивые пташки. Особенно частым гостем была Вика – длинноногая синеглазая блондинка. Она сверлила Аркадия влюбленным взглядом. Иногда они надолго уходили в хранилище документов. Возвращались уставшими и растрепанными. Видимо, все никак не могли найти необходимые материалы.

Однажды Света рылась на самых дальних стеллажах. Стоя на стремянке, она ворошила еще не разобранные подборки старинных газет. Трусики она не надевала принципиально. Хотела привлечь внимание архивиста. Случай подвернулся...

– Аркадий Васильевич, можно вас попросить подержать лестницу, она качается, и я боюсь упасть, – загадочным голосом произнесла Светлана.

Аркадий не спеша подошел к стеллажам. Сначала он издали любовался открытыми для обзора прелестями Светланы. Потом подошел поближе и взялся за холодный металлический каркас лестницы-стремянки. Зрелище, представшее перед его взором, мало соотносилось с содержанием архива. Представленный на обозрение документ был не стар и даже очень привлекателен. Очки архивиста начали запотевать. Светлана видела растерянность своего начальника и как бы невзначай покручивала своей аппетитной попой, играя мышцами ягодич. У Аркадия Васильевича поехала крыша. Он говорил что-то, путаясь и заикаясь. Светка щебетала сверху. Они даже забыли про камеры видеонаблюдения, которые недавно были установлены в архиве. Бедные охранники, за что им такое испытание?

Вдоволь насладившись своим превосходством над ботаником, Светлана, взяв с собой какие-то документы, начала спускаться вниз.

– Светлана Ивановна, по-моему, вы забыли взять подшивку за 1897 год, – начал бормотать Аркадий Васильевич.

– Нет, что вы. Вот она со мной, – с предпоследней ступеньки ответила знойная девушка. – Правда, она свежее – с 1989 года.

Светлана распахнула свой халатик, надетый на обнаженное тело. Ботаник обомлел. Ее великолепная грудь оказалась совсем рядом с его носом. Он стал жадно целовать ее сосочки. Лицо его вспотело. Светке и самой стало жарко. Она скинула халат и стала судорожно расстегивать одежду Аркадия Васильевича...

Ах, какой удивительной была его виолончель!.. Она играла то медленно, то ускоряя темп своих божественных мелодий. Звуки взлетали в поднебесье и падали вниз. Потом она, делая паузы, снова излучала потоки музыки. Архивист был в ее жизни третьим сексуальным партнером. Светка имела первый опыт с Ашотом Абрамовичем. Второй опыт сексуального общения состоялся с соседом Петром Клименчуком, но его инструмент был слишком слаб... А тут небесное наслаждение...

По желанию Светланы виолончель превращалась во флейту. Светлана перебирала пальчиками по стволу этой великолепной кожаной дуды. Ее губы и язык бегали по мундштуку, ласкали волшебный инструмент. От этих сказочных манипуляций комнату заполняли мелодичные и чарующие звуки горного ручейка, пробивающегося сквозь валуны камнепада. Под эту сладострастную мелодию ботаник чувственно стонал и всхлипывал. Светлана опять ощутила всю свою власть, теперь уже не только над сознанием, но и над телом своего начальника.

Потом флейта по желанию Светки превращалась в своеобразный ершик трубочиста для дымохода. Аркадий Васильевич им ловко управлялся. Его инструмент виртуозно погружался в лоно девушки и выныривал вновь из пламенного вулкана, который когда-то открыл для нее первый партнер – Ашот Абрамович. От нетрадиционного проникновения Светлана сквозь боль ощущала какое-то загадочно яркое и всепоглощающее чувство восторга.

– Кончай туда, туда, мой милый, там, там... ой, от этого не забеременеешь, – дрожащим голосом шептала Светлана.

Прозвучал последний аккорд, и мелодия прервалась...

А там, в будке охранников, напряжение в электрической сети подскочило выше 220 вольт, мониторы начали моргать, и бедные старички так и не смогли досмотреть этот завораживающий фильм.

Потом шли унылые будни. Календарь переворачивал листы. Аркадий Васильевич перестал кокетничать с Викой. Глаза этой красавицы постепенно из сине-безоблачных становились лилово-грустными. Светка уже начала ощущать свое превосходство и над Викторией. Но тяга к познанию нового в ней неутомимо росла, она познавала все новые и новые инструменты утром, в обед и после работы. Ее плотское удовлетворение реализовывалось в любую минуту по ее, Светкиному, желанию. При отсутствии подходящего музыканта с Аркадием Васильевичем она всегда могла по-быстрому замутить на работе.

Она еще не понимала тогда, что гиперсексуальность может растаять так же внезапно, как и пришла. А что останется? Останется опустошенность и приобретенные недуги. Хвори души и тела. Выходить замуж за него Аркадий Васильевич Светлану не звал, а ей уже пора. Архивист всей душой полюбил эту неутомимую девушку, он каждый день ждал интимной близости со Светой. Все другие женщины перестали для него существовать. А ее это уже раздражало. Аркадий страдал и мучился, а Светке не было до этого дела. Быстрый перепих, хотя и яркий, на работе уже не приносил ей удовлетворения, сексуальная гиперактивность начала покидать ее мысли и тело.

– Никакой тебе романтики, – заявляла Светлана.

Но по старой привычке иногда припадала к уже знакомому и ставшему родным инструменту. Конечно, ботаник может наизусть проникновенно читать стихи, но нахрен они нужны. От них денег-то не прибавится.

Однажды в архив пришла Вика. Аркадия вызвали в контору к начальству, Светлана одна осталась на хозяйстве. Вика это знала, она специально пришла, чтобы поговорить со Светланой. Вике хотелось, чтобы Светлана отвязалась от ее Аркадия. Но разговор у них не получился. Разными интересами руководствовались девушки. Отказываться от Аркадия Васильевича Светлана не собиралась и порадовать Вика этим не могла. Она также не могла себе представить, что на ее виолончели вдруг будет играть другая музыкантша. Архивист был для нее как бы дежурным сексуальным партнером и начальником на работе одновременно, что было удобно во всех отношениях. Вика же хотела выйти замуж за архивиста, но его голова, даже обе, верхняя и нижняя, были захвачены Светкой. Вика понимала, что это временное явление и оно пройдет. Но ей хотелось, чтобы это случилось быстрее. Годы-то уходят, молодость не вечна.

Бесстрашный ботаник

Похрустывали угасающие огоньки костра. Ночь уже охватила своими ледяными объятиями прибайкальский лес и нашу поляну. Казалось, что обалдевшая тишина жадно вслушивалась в наш разговор и никак не могла понять кипящих страстей и, по существу, горького одиночества героев прозвучавших откровений.

И вот она, тишина, ставит свой диагноз человеческим отношениям – разрушители.

Резким порывом ветра верхние ветки вековых сосен обрывает, закручивает и обрушивает на нашу поляну. Все пространство вокруг нас становится в одно мгновение непроходимым буреломом. «Да, наломали мы дров», – подумал я.

– Одумайтесь, люди, – кричит ветер.

– Давайте жить дружно, – вспоминаю я незамысловатые, но такие драгоценные слова мультяшного героя кота Леопольда.

А наш художник Леопольд подвел итог разговора.

– Не, делать иллюстрации к этим рассказам я не смогу. Слишком откровенные они для меня.

Ветер прекратился. На небе мерцали звезды. Они как бы подмигивали сидящим у погасшего костра мужикам, зовя их к познанию вселенских тайн. Но загадки Вселенной мало волновали собеседников. Они погрузились в земную грусть. Мужчины пытались осмыслить услышанную информацию. Все долго молчали. Вдруг клубящуюся седыми кружевами дыма тишину разрезал хрипловатый голос Федотыча.

– Хотите, я вам расскажу, чем закончилась история Светланы и Аркадия Васильевича?

Все одобрительно молчали, и доктор начал грустное повествование. Федотыч продолжил свой рассказ.

– Я не хочу ранить ваше благопристойное видение мира и врваться в него со словесной порнографией. Но я расскажу все, как оно было в действительности. Конечно же, со слов моей пациентки Светланы.

Итак, фестивальные приключения когда-то заканчиваются, и наступает развязка. Настигла она и Светлану. Светка банально забеременела. От кого – твердого ответа у нее не было. Поэтому решила Света попытать счастье, прощупать отношение к ее деликатному положению у членов своего музыкального оркестра. А это отношение и у виртуозов, и у начинающих скрипачей было однозначно отрицательным.

В любовной симфонии прозвучал грубый финал. Последняя мужская ария звучала прозаично, все музыканты были солидарны: «Когда ты вступаешь в половую связь, должна была думать немного головой, а не промежностью, в части предохранения и безопасности. Решай свои проблемы сама. А у нас на подходе много молодых и еще не обученных скрипачек и флейтисток. Так что катись куда подальше».

Другого ответа, в принципе, Светлана и не ожидала. Мужчины отнеслись к ней так же, как к ним относилась ранее она.

Аркадий Васильевич уже давно чувствовал, что его музыкальный инструмент используется в составе ансамбля. Хотя Светлана стремилась, чтобы не уязвлять самолюбие ботаника, скрывать свои похождения. Но обмануть опытного мужчину невозможно. От осознания этого у архивиста частенько начинало болеть сердце. Он начал носить с собой в кармане корвалол.

Услышав от Светланы новость, что тест и последующий визит в женскую консультацию, расположенную на улице Горького, подтвердили факт беременности, Аркадий Васильевич напряженно молчал. Светлана предложила поехать на берег Байкала в Листвянку, чтобы на природе обсудить сложившуюся ситуацию. Аркадий Васильевич не прогнал девчонку, не отвернулся от нее. Более того, он сказал: «Ребенок ни в чем не виноват. Родителей не выбирают. Хорошо бы порешать вопрос о жилье. Куда-то надо принести малыша из роддома. Ко мне в общагу не вариант».

Светкин папа, крутого нрава мужик, может выгнать из дома блудную дочь, нагулявшую «выблядка» (таким термином он называл внебрачных детей).

Вот они уселись в старенький запорожец. Это чудо советского автопрома ботаник купил по дешевке, и с другом Андрюхой он его привел в надлежащий вид. На удивление в нем оказалось достаточно места и вполне комфортно. Это значит, что не надо горбиться и скрючиваться. Ноги удачно расположились в отведенных для них нишах. На выезде из города по Байкальскому тракту сразу начинался красивый хвойный лес. Предстояло проехать 67 километров.

Светлана сняла свою футболку. Ее обнаженные груди завораживающе подпрыгивали, когда машина вибрировала на неровностях дороги. Затем Светка стянула вниз свои спортивные брюки. Плавок она не носила, и ее женская гордость оказалась на свободе. Откинувшись, насколько могли позволить габариты и механизм кресла, Светка начала мастурбировать.

Ботаник сбросил скорость, он ехал медленно и искоса подглядывал за действиями подруги. Светлана после своего бурного оргазма запустила руку в штаны Аркадия Васильевича и ухватила за гриф его скрипки. Из восьмушки скрипка быстро выросла до трехчетвертной, потом она стала превращаться в виолончель. Светлана высвободила инструмент из штанов на волю.

Потом стараниями Светланы виолончель превратилась в саксофон, и девушка принялась дудеть самозабвенно и с большим азартом.

Камазы и другие высокие машины, обгоняя запорожец, притормаживали, и в открытые окна из их кабин показывались оттопыренные вверх большие пальцы в знак приветствия архивиста. Голубые глаза ботаника округлились и стали размером как два блюдца. Его толстые очки многократно увеличили этот безумный взор. В наступающих сумерках для встречных машин представлялась ужасная картина. Казалось, что навстречу им летел не запорожец, а два огромных голубых шара. Как будто бы злое НЛО с пришельцами медленно скользило, занимая все дорожное полотно. Они были вынуждены принимать вправо и останавливаться на обочине, чтобы пропустить надвигающуюся опасность.

Ночь на берегу Байкала в гостинице «У озера» прошла бурно. Наутро у архивиста созрел план, но о нем он говорить не стал. Он допускал, что ребенок был его. Поэтому для еще не родившегося существа он решил пойти на должностное преступление.

Когда вернулись в Иркутск, то в комнате общежития, которую занимал Аркадий, началась их недолгая семейная жизнь. Ночью Светка обнимала своего мужчину. Она нежно целовала Аркадия.

– Милый, Аркашенька, я так люблю тебя. Мне никто не нужен, только ты, только ты, мой дорогой, – шептала она.

Он единственный не отвернулся от нее, вошел в ее положение. Аркадий действительно вошел и никак не мог остановиться. Кровать предательски скрипела. Комнату заполнили сладострастные звуки и стоны Светланы. Счастливый и утомленный ботаник продолжал и все никак не мог уgomониться. Ему хотелось, чтобы это действие не кончалось никогда. Он наполнился восторгом близости, восторгом любви.

А за дверью стояла обескураженная соседка с нижнего этажа. Она долго терпела звуковую атаку, навалившуюся на нее в эту ночь. Стоя у двери, она прислушивалась, старалась уловить мотив этих завываний. Потом, не выдержав, она стала робко стучаться в дверь и приговаривать:

– Девушка, что с вами? Вам плохо? Сейчас я вызову скорую помощь.

Голос ее звучал встревожено, в нем чувствовались забота и сострадание. Интонации его были чистыми и искренними.

Этот голос невольно помешал нашим бойцам сексуального фронта достичь очередного зенита в любовной битве. Они остановили свой межгалактический полет, вернулись на брентную землю и начали прислушиваться к происходящему за дверью. Потом как давай ржать:

– Ой, милая, спасибо. Не надо нам скорой помощи. Нам очень хорошо. Мы сгораем от счастья и любви.

Бедная сердобольная соседка была сконфужена. Она не могла предположить, что акт любви из тихого и скрытного таинства может представлять собой целый спектакль, и это действие может сопровождаться инструментальной музыкой очумевших от экстаза голосов, напоминающих вопли страдания, недуга и восторга одновременно. Ее личный и уже давний опыт интимного общения сводился к скоротечному любовному акту с крепко стиснутыми и сжатыми зубами, чтобы не проронить ни звука. Когда они занимались любовью с бывшим мужем, они не могли позволить себе никаких эмоций. В комнатке бабушкиного старенького дома вместе с ними жили мама, бабушка, их с мужем маленький сыночек. Их нельзя было беспокоить ночью. Да и само занятие сексом воспринималось тогда как что-то неуместное и даже постыдное. Такие нравы были в те времена. Но народ вместе с ударным трудом за выполнение пятилетних планов родной партии и правительства СССР с неменьшим энтузиазмом занимался любовными утехами. Поэтому и выживали, не уронили уровень народонаселения.

Даже тост такой новогодний был, шуточный, конечно: «Чтобы елось и пилось, чтоб хотелось и могло. Чтобы в нынешнем годе было с кем и было где. И успехов вам в труде».

Если в подавляющем большинстве все люди тихушничали, то тут – сплошное сумасшествие. Казалось, что женский голос за дверями то молил о пощаде у какого-то монстра, то кричал и требовал, чтобы тот не останавливался. Да, голова кругом...

«Какая же я дура, – думала она, – ворвалась со своим стуком в чью-то атмосферу счастья».

Любопытство распирало уже немолодую женщину. Ей хотелось, чтобы дверь открылась, и она бы наяву увидела этот спектакль любви с его актерами. Но стыд поборол ее чувства, и она направилась в свою комнату. И уже не смогла уснуть до самого утра. Ее будоражили воспоминания о прошлой жизни, о ее никчемных любовниках, с которыми она не могла взойти на такую же вершину любви. Да она раньше и не подозревала, что такая вершина может вообще существовать. Думать об этом в водовороте жизни не приходилось. Детей в садик отвести, потом в школу, бегать по магазинам, готовить еду, убирать, стирать, гладить, ходить на работу, вечером – в народную дружину. Откуда возьмутся мысли о сексе и о каких-то его вершинах?!

Спустя небольшой промежуток времени совместной жизни с Аркадием у Светланы началась рвота. Интоксикация при беременности – обычное дело. Девушка взяла больничный лист и отлеживалась в комнате Аркадия Васильевича в общежитии. Архивист после рабочего дня, придя домой, ухаживал за Светой. Кормил ее из ложечки. Готовил и кашеварил. Но однажды он не пришел ночевать. Светлана заперевжалась. «Может, Вика его перехватила», – беспокойно думала она.

Но на следующий день пришел Андрюха – друг Аркадия Васильевича. Он притащил полный полиэтиленовый пакет денег – три миллиона рублей.

– Аркадий просил его простить, а на эти деньги велел купить квартиру для Светы и их сына, – сказал парень.

Почему-то он решил, что должен обязательно родиться мальчик.

Суд был скорым. За хищение из государственного архива уникальных исторических реликвий, связанных с наследием Чингисхана, Аркадию Васильевичу дали шесть лет с отбыванием в колонии общего режима. Приходить в суд Светлане он не велел – волноваться беременной женщине нельзя. Светка простояла весь судебный процесс около Октябрьского суда.

И вот Светлана уже в новой квартире, своей квартире, которую ей подарил ценой своей свободы архивист Аркадий Васильевич.

У него тоже новая обстановка – на зоне в Тулунском районе. Это в четырехстах километрах северо-западнее города Иркутска. Светка возила своему узнику передачи. Она понимала,

что он был именно ее узник, привязанный к ней всей своей душой. А зона – это только место временного пребывания его тела.

Дома она долго металась, думая о своей дальнейшей судьбе, ночами плакала в подушку. Но в итоге приняла решение и избавилась от своей нежелательной беременности.

Из женской больницы с улицы Горького на своем автомобиле ее увез бывший сосед – Петр Клименчук.

После того как Аркадий Васильевич узнал, что Светлана сделала аборт, он приказал ей больше не приезжать к нему в колонию.

Сексофилософопатолог

Все молчали, никто не мог проронить ни слова. Эти короткие рассказы Фомича, сексопатолога и психоаналитика, обрушили такой тяжелый груз, груз чужих страданий и переживаний, что переварить все это в одночасье было невозможно. Мы переживали за Аркадия. Понимали, что Светлана, сделав аборт, поступила так от безысходности. Хотелось заплакать, но слезы никак не находили свое русло. В горле стоял ком. Нарушил тишину все тот же Федотыч.

– Вот ты, Леопольд, назвал мои, вернее Светкины, рассказы слишком откровенными. Я с уважением отношусь к твоим пуританским чувствам. Но че ты тогда сидел здесь развесив уши? Режет слух – уйди и не слушай. Вот у меня на даче были соседи – староверы. Мы крепко дружили, была взаимопомощь и поддержка, – продолжал Фомич. – Они открывали для проветривания наши теплицы, поливали. У нас-то, врачей, свободного времени в обрез, на огородной фазенде бывали нечасто. Однажды моя жена Анна Петровна вышла в огород в открытом купальнике. Все, писец – маленькая лисичка, дружба закончилась. Она-то не знала про их веру. А для них это оскорбительное и безнравственное одеяние. Конечно, многое в их вере можно уважать. Много там доброго, светлого и разумного. Так что же я теперь в тулупе должен по своей даче шастать? У них секс не для удовольствия, а только для продления рода. А хочется-то всегда. Вот они, видимо, одетые в телогрейки и совокупаются. Детей полон дом. Куда ты ни прячь сексуальное влечение, оно все равно является основой жизни. Вот художник изображает на картине быстроногую лань. Красотища невероятная. Задумайтесь, куда она бежит? А бежит она к своему козлу, чтобы исполнить свою природную миссию – дать потомство, продолжить жизнь, – Федотыча понесло.

– Ты так все на трахание перевести можешь, – пытаюсь возразить ему я. – Ведь есть же убежденные девственники среди мужчин и женщин, которые категорически не принимают половую близость. Закатывать глаза и корчиться в оргазмических конвульсиях могут только идиоты – так считают они. Таких людей немало, и они объединяются в сообщества, общественные организации, наконец. А музыканты и композиторы – они всего-то из семи нот рожают такую палитру божественных звуков... А писатели и поэты – они из 33 букв создают волшебные литературные шедевры, от которых может крыша поехать.

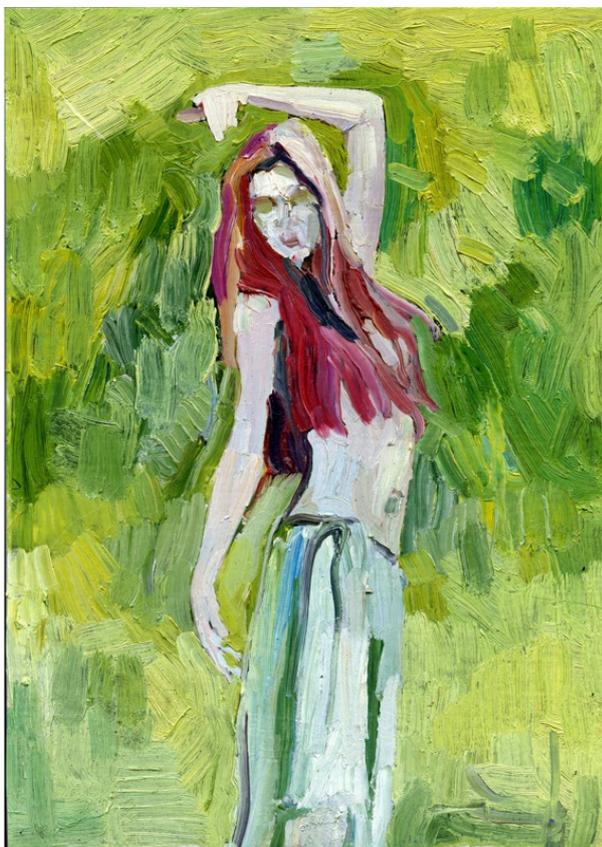
– Дурак ты, Алексеич, или прикидываешься, – прерывает меня психоаналитик. – Так вот – существует всего два явления природы, именно явления, которые в народе, может быть не очень поэтично, обозначаются всего двумя терминами, и это с разными вариациями слова х@й и п@зда, – со сверкающим взглядом произносит Фомич. – Они дают продолжение жизни. Их взаимоотношения, которые еще называют любовью, тревожат и волнуют всех. И все семь нот и 33 буквы алфавита воспевают и возносят эти отношения с древних времен! Так было и так будет всегда. Воспеваться будет жизнь и ее продолжение. Извините, что выражаюсь грубовато. Достали вы меня. Противники секса – это в первую очередь сборище неудачников и слабаков. Будучи не в состоянии совершить полноценный половой акт, они пропагандируют фригидность и импотенцию. Козлы законченные. Скажи мне, дорогой друг, кто от таких придурков родится? Кто продолжит их род и их философию? А никто. Значит, это тупиковая ветвь гнилых червяков. Вот ты нарисовал красавицу горную лань, – опять Фомич обратился к Леопольду. – Ну и что, кто на нее будет смотреть в будущем – потомки, не родившиеся от противников секса, идиотов? Как ты себе это видишь? Ты, что при видимых ярко выраженных мужских половых признаках обессилил, вступив в нейрогуморальное половое расстройство, которое обуславливается поражением диэнцефального отдела (субталамический нейрогуморальный центр) или отдельных желез внутренней секреции (гипофиз, гонады, надпочечники и др.), *приведших к* диффузными нарушениям всех компонентов сексуального поведения?

Может, вам рассказать еще о половых извращениях? Например, апотемнофилия – желание или сексуальное возбуждение от ампутации здоровой части тела (конечностей, пальцев или гениталий) или частичного (полного) разрезания гениталий вдоль. Или гинофагия – сексуальное возбуждение от фантазий, связанных с приготовлением и поеданием женщин. Эпроктофилия – сексуальное возбуждение, вызванное испусканием кишечных газов (пукание). Может, еще про зоофилов и некрофилов вам рассказать? Тогда рассказы Светланы о ее сексуальных играх покажутся вам милой детской шалостью?

– Пошел ты... со своей медицинской терминологией, умник хренов, – обрубил его я. – Каждому свое, кому-то нравится поп, кому-то попадя, кому-то попова дочка.

– Давай не будем больше обсуждать эту тему, – включился в разговор обиженный Леопольд.

– Вот, мужики, не взяли с собой достаточное количество водки, всю за один раз выжрали и чуть с похмелья не передрались, – резюмировал Михалыч. – Так бы давно уже песни пели...

На следующий день мальчишник разъехался по своим родным домам. Леопольд в своей мастерской принялся по полкам раскладывать этюды, которые он сделал на природе.

– Олеся, Олеся! – позвал художник свою жену. – А ты бы смогла голышом на стремянку, и положить мои рисунки на верхнюю полку?

– Леопольд, у тебя что, крышу снесло? – сердито сказала жена.

Потом она поглядела на мужа, на его грустные глаза, погладила кудрявые вихры своего художника и заулыбалась.

– Дурашка ты мой. Я уже совсем не та, какой была двадцать лет назад.

– А я тебя люблю такой, какая ты есть, и всегда любить буду, – задумчиво произнес Леопольд.

Окончание истории Светланы и Аркадия

Шли годы. Мне вспомнился рассказ Фомича об откровениях Светланы. Мы встретились с сексопатологом в плавательном бассейне. Он изрядно полысел, но был по-прежнему подтянут и строен. Занятия спортом были его фишкой. Он нравился женщинам, и они легко вступали с ним в откровенный разговор. Профессия у него такая – быть психоаналитиком и привлекательным чувственным собеседником, умеющим направить мысли пациента в нужное для его собственного здоровья русло.

– Фомич, расскажи, как сложилась судьба Светланы и ее ботаника-архивиста, – поинтересовался я в раздевалке, когда мы собирались уже уходить домой.

Фамилии пациентки я не знал, как и других идентификационных данных. Это врачебная тайна, да и имя девушки в своем рассказе Фомич изменил. Я это твердо знал.

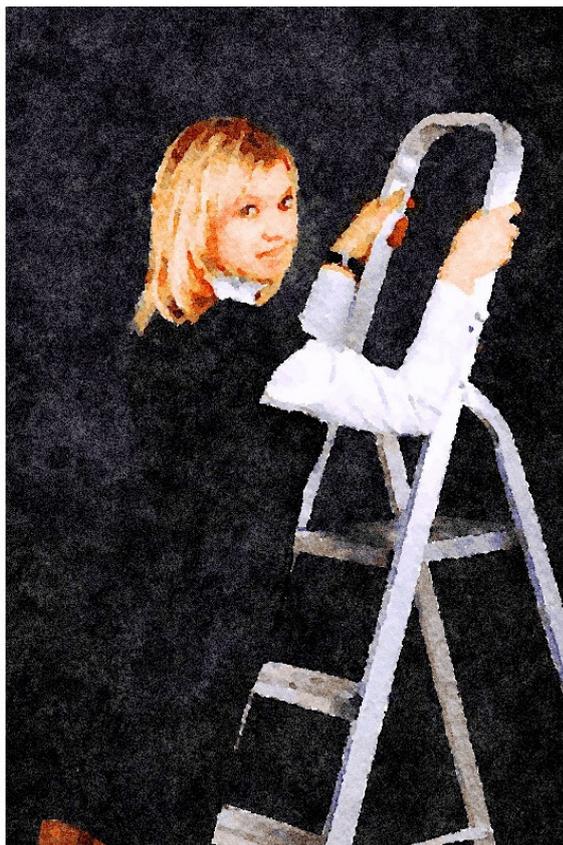
Фомич на минуту задумался, потом неторопливо начал вспоминать детали.

– Алексеич, не беспокойся, у Светланы и Аркадия все нормально.

Светлана рассказывала, что спустя некоторое время, год или два, она получила письмо из колонии. В нем Аркадий Васильевич поведал ей о своей жизни за решеткой.

По прибытии в колонию Аркадия направили работать в библиотеку. Он занимался реставрацией книг, подпиской газет и журналов. Вел просветительскую работу среди эков. Устраивал литературные вечера. В колонии оказалось много талантов – поэтов, даже самодельных композиторов. Вот и появилась его стараниями художественная самодеятельность.

Заведующей библиотекой была дочь Кума или Хозяина (так принято было называть полковника Зубова – начальника исправительного учреждения). Однажды она попросила ботаника подержать лестницу-стремянку. Она от неустойчивости покачивалась, и Ольга, так звали его начальницу, боялась упасть. Надо было на верхних полках стеллажа разобрать подшивки газет. У Аркадия завибрировали ноги. До боли похожая сцена была когда-то прологом мелодии любви с его Светланой, которая осталась в родном Иркутске. Аркадий подошел и взялся за холодные трубчатые основания лестницы. Сознание ботаника было замороженным и затуманенным. Оно как бы одной своей частью унеслось в прошлое, в котором он был счастлив, хотя и сильно страдал от переживаний и ревности. Другая часть его сознания осталась здесь, в библиотеке исправительной колонии.

Ольга полезла вверх. Она была одета в синие джинсы и кофточку-водолазку под горло, плотно закрывающую верхнюю часть ее тела. Вверху, перебирая газеты, она что-то говорила, но Аркадий ее не слышал. От холодного металла стремянки на него полились тепло и боль воспоминаний. Воспоминаний о недавней жизни на свободе, о его Светлане. О его непутевой любви, которая, ярко вспыхнув, довела его до колонии и умерла, оставив его одиноким и несчастным, с разбитым сердцем и перечеркнутой судьбой. Аркадий Васильевич вцепился в эту лестницу изо всех сил. Пальцы сводило от морозного каркаса стремянки. Ее он недавно занес в библиотеку, предварительно очистив от снега.

Сердце узника учащенно забилось, а острая боль недавней утраты ножом полосовала его душу. Яркие картины, вылезая перед ним из прошлого, коржили его сознание, хлеща по лицу своей откровенной обнаженностью и сладостной распущенностью.

Тело Аркадия как бы парализовало. Он не мог даже шелохнуться. Уставившись в одну точку, ботаник смотрел будто бы сквозь стены здания библиотеки, сквозь колючую проволоку, сквозь ограждение колонии. Но не мог увидеть свой далекий Иркутск, свою некогда любимую девушку Светлану. От нервного перенапряжения и бешеной тоски Аркадий горько заплакал, сжимая зубы. Руки его еще крепче сдавливали студены и равнодушный металл.

Ольга задала Аркадию Васильевичу несколько вопросов и, не услышав ответа, забеспокоилась. Девушка спустилась на предпоследнюю ступеньку и заглянула в глаза плачущему ботанику. Она успела хорошо изучить его голубой лучезарный взгляд, его открытую грустную улыбку. Но таким, как сейчас, она Аркадия еще не видела. Отец говорил ей, что этот парень сидит не за корыстное преступление, что-то там не так. Не мог он украсть для себя, чистой души был этот человек. Кум был опытным психологом, он видел людей насквозь.

Ольга потянулась к Аркадию. Ее нереализованное чувство молодой девушки к мужчине переполняло сознание. Отец безумно любил свою единственную дочь и не отпускал ее ни

на шаг от себя. Она так и моталась с ним от назначения к назначению по разным захолустным местам необъятных просторов Сибири.

– Что с вами, Аркадий Васильевич, дорогой мой? – шептала Ольга, неумело целуя своего подчиненного. – Хороший мой, чем я могу помочь тебе? – она не заметила, как перешла на «ты». – Я уже давно чувствую, что полюбила тебя. Я боялась своего чувства, гнала его от себя.

Глаза Ольги наполнились слезами.

Аркадий обнял свою спасительницу, он что-то шептал и тоже целовал Ольгу.

– Как мне тяжело, как я устал от неволи и одиночества, – слезы еще сильнее бежали из его глаз.

– Ты не одинок, мой милый, теперь я всегда буду рядом с тобой в радости и горе...

Они долго стояли, обнявшись, и плакали. Плакали не стесняясь друг друга. Ольга – от нежных чувств и сострадания к этому практически беззащитному мужчине. Аркадий – от нахлынувших на него смешанных чувств. С одной стороны, ему было жаль самого себя. С другой стороны, эта нежная девушка смогла согреть его обожженную огнем страсти и обмороженную предательством израненную душу. Она, как солнышко, неожиданно-негаданно вдруг засияла перед ним и уже навсегда вошла в его жизнь. На зоне, оказывается, тоже можно обрести счастье, даже если ты совсем потерял в него веру. Потом Кум оформил досрочное освобождение своего зятя по «половинке». Ольга была без ума от счастья, она встретила своего любимого, самого дорогого и единственного. Пусть он долговяз и физически слаб, но она сможет защитить его, своего ботаника, от любых невзгод.

Светлана тоже устроила свою жизнь, она встретила парня Евгения. Хоть и не было у них большой любви и страсти, но держались они друг друга. Время уходило, вот и надо было создавать семью. Может быть, такие союзы крепче тех, которые возникали в пылу страсти, да потом перегорали.

Сына своего Светлана назвала в честь отца – Иваном. Зеленоглазый мальчишка стал светофорчиком, который зажег для Светланы зеленый свет к счастью, материнскому счастью. Муж часто уезжал на вахты, работал на севере нефтяником. Светка все свое свободное время посвящала сыночку. Она души не чаяла в своем Иванушке.

– Мама, мамочка, я не хочу спать. На улице лето и солнышко еще долго не будет ложиться спать, – голос Иванушки звучал звонко, как колокольчик.

– Неужели ты не можешь понять такие простые вещи? – смеялся сыночек. – Люди должны вставать и ложиться спать вместе с солнышком.

Он своими маленькими ручонками обнимал маму за шею и прижимался к ее груди. Ни один мужчина не мог доставить ей столько счастья, Светлана вся сияла. «Какой же умный у меня сын. Какой он ласковый и нежный», – думала она.

– А вот и нет. Я могу возразить тебе, мой любимый мальчик, – начала ласково говорить сыну Светлана. – Когда солнышко будет спать, зазвенит будильник. Мы с тобой проснемся и поедем в аэропорт. Наш папа в четыре часа утра прилетает из длительной командировки, дома его не было почти полгода. Он не хотел, чтобы я тебя, сыночек, беспокоила и брала с собой в аэропорт. Он очень сильно любит тебя. А мы порадуем папочку и вместе с тобой будем его встречать. Ты у нас сильный, сильнее солнышка. Ты можешь встать, когда это необходимо, а солнышко нет.

– Ура! Ура! Ура! – Иван радостно кричал и скакал на пружинящем матрасе родительской кровати.

Светлана молча, с огромной любовью смотрела на своего сына, из глаз ее текли слезы, слезы радости и умиления.

– Мама, почему ты плачешь?

– От радости, сынок, я так долго тебя ждала, теперь ты у меня есть, – и Светлана крепко обняла своего самого главного маленького мужчину. В ответ он сильно прижался к своей самой любимой женщине – к маме. От материнского тепла Ивана быстро разморило, и он погрузился в сладкий детский сон.

Фомич продолжил свой рассказ.

– Говорила Светлана, что еще ждет дочку, но это я уже плохо помню. В моих пациентах она уже давно не числится. Мне радостно, что мои усилия врача дали результат. Жизнь у девочки наладилась, – дружелюбно звучал голос моего приятеля Фомича.

Я молчал, на мои глаза невольно навернулись слезы. Светлая грусть заполнила мое сознание. Растроганный, я молча сел в машину и поехал к себе домой.

Голубоглазая блондинка

Иркутская осень. Порывы ветра ударились о стены моего деревянного дома, который расположен на улице Коммунистической, почти в центре нашего областного города. Их воздушные потоки начинали плясать вокруг понурого клена. Его ветки в ответ дребезжали и вибрировали, как струны контрабаса под опытными руками музыканта. Извлекаемые волшебным образом из ствола дерева низкочастотные звуки придавали округе тревожность и безысходность в ожидании тепла.

Все, что еще недавно цвело и зеленело, должно умереть или уснуть на долгие зимние дни, недели и месяцы. Дряхлая старуха зима своими костлявыми руками будто бы набрасывала паутину на еще живые существа и озябшие растения. Обрекала их уйти в небытие с этого света, еще недавно сверкавшего переливами радуги, пением птичьих голосов и звоном, казалось бы, неиссякаемой жизненной энергии. Природа пыталась бороться, цепляясь за уходящее лето. Но ветер срывал и уносил вдаль остатки пожелтевших листьев. Он не оставлял надежды на скорое возвращение знойных солнечных дней. Времена года меняются, как это было всегда. Растительность начинала погружаться в зимнюю спячку. Угрюмые черные тучи нависали над городом. Они изредка выбрасывали вниз леденящие потоки дождя, готовясь обрушить всю массу своих холодных запасов влаги. А промозглые северные ветры стремительно налетали на тяжелые, пузатые облака, чтобы превратить содержащуюся в них воду в хрустальные пластинки снежинок, чтобы забросить этот белый хоровод на деревья, дома, улицы и площади старого города, который знаком с этими природными явлениями вот уже более 350 лет.

Я вышел из машины. Боковым зрением ощутил чей-то пронзительный взгляд. Это взор как будто бы из другого мира, холодного и голодного, где не хватает радости и ласки. Где нет тепла и заботы, где страх и боль – обычные и обыденные явления.

Я присмотрелся. На тротуаре сидела кошка.

Видно, что она от природы имела чисто белый окрас. Но сейчас он выглядит сероватым. Она изрядно запачкалась, бегая по подворотням в поисках пропитания. А какие у нее глаза! Это два голубых небесных светильника, два драгоценных сапфира, по чьей-то воле оказавшиеся выброшенными на улицу.

Я направился к моей незнакомке.

«Что это за человек? – подумала кошка. – Что ожидать от него? Может, он сейчас пнет меня ногой, как это уже было не раз? Как страшно. Он такой большой. И куртка у него кожаная. Ой, а ботинки с такой рифленой подошвой. Наверное, надо спасаться бегством», – подумала голубоглазая блондинка.

Вот она уже приготовилась к спасительному прыжку в сторону кустов. Но лютый голод ее остановил. Так хотелось кушать. Сил уже почти не оставалось, и кошка, наверное, решила: «Будь что будет. Если суждено умереть, пусть я умру сейчас, не дожидаясь холодов и снежных сугробов».

– Кис-кис-кис, – зазвучал спокойный, с нотками сострадания, голос, и в нем улавливались ласковые оттенки.

Блондинка замерла на мгновение. Она не могла убежать. Она находилась в плену этого голоса. Она с надеждой стала ожидать развития событий. «Неужели еще есть добрые и отзывчивые люди», – думала продрогшая кошка.

– Ах ты, красавица, замерзла, на холодном асфальте не очень-то уютно. Какая ты худая, и бока у тебя ввалились, – говорил обладатель зловещей кожаной куртки и доброго голоса.

– Да, тебе бы мои заботы и переживания, – как бы произнесла кошка. – Я ничего не ела несколько дней. Попались тут две обессилившие мышки, но они были отравлены. Люди их не любят, вот и набросали в своих жилищах ядовитую приманку. Возвратившись по подземным коридорам, которые еще их далекие предки прорыли для сообщения улицы с домами, мышки натолкнулись на приманку. Неопытные, они не знали, что подобное пиршество халявным кормом опасно для жизни. Человек коварен и опасен. Он сам выбирает, с кем ему жить, а от кого можно избавиться, убить, как этих мышей, или выбросить на улицу, как эту кошку. Я не стала есть этих мышей. Я знаю, что это смертельно опасно, – как бы говорила мне моя собеседница.

– Посиди здесь, я принесу тебе покушать, – как можно ласковее произнес я.

Голубоглазая блондинка запрыгнула на завалинку. В ее огромных грустных глазах пробежали солнечные искорки. В этой сумрачной окружающей среде при мерзкой пасмурной погоде они были всплесками космической энергии надежды и ожидания добра.

Я вошел в дом и направился к мискам для животных.

У нас жили две породистые собаки и две уличные кошки.

Одну кошку подобрала Оля – моя дочь, а вторую притащил Леша – мой внук. Животные были окружены вниманием и заботой. Наверное, для них была устроена райская жизнь. В мисках лежали кусочки мяса и гарнир из гречневой крупы и еще какие-то лакомства, приобретенные в специальном магазине. По всей вероятности, они лежали давненько. Наверное, с самого утра после перекуса наши шерстяные человечки про них забыли. Кушанье начинало немного подсыхать. Я собрал все в одну тарелку и вынес на улицу. Даже не дал себя поцеловать ожидавшим ласки нашим пуделихам: серебристой Стеше и блондинке Соне.

Голубоглазая незнакомка ждала меня на прежнем месте. Она сразу почувствовала запах съедобного продукта. Хвост трубой, и мягкой походкой она подошла ко мне. Глаза смотрели заинтересовано. Но она не спешила. Инстинкт самосохранения заставлял ее находиться в настороженном состоянии. Потом послышалось мяуканье: «Ну, давай, ставь скорее еду, я не могу больше ждать. Так вкусно пахнет. Сколько различных вкусовых оттенков излучает эта тарелка. Неужели это все мне?»

– Кушай, красавица, это тебе, конечно, тебе. Рядом нет никого из возможных конкурентов. Ты можешь не торопиться. Кушай, красавица, – тихо говорил я.

Глаза у блондинки засветились, она принялась уплетать вкусности. Она то торопилась, то чуть приостанавливалась, тщательно пережевывая кусочки пищи. Поднимала свой взгляд на меня. В нем читалась благодарность мне – вновь приобретённому другу. Когда пиршество закончилось, я взял голубоглазую блондинку на руки.

– Если хочешь, переходи ко мне жить, – предложил я уже ставшей мне подругой блондинке.

В ответ она громко замурлыкала. Стала прищуривать глаза. «Настоящая кокетливая женщина, – подумал я. – Как же интересно, женская мягкость и какой-то непостижимый женский дух присущ всему женскому».

Блондинка пригласилась и начала засыпать на моих руках. Мне надо идти. Я опустил кошку обратно на завалинку. И вновь предложил идти за собой. Она внимательно выслушала, потом мяукнула. Видно, поблагодарила и попрощалась. Затем спрыгнула на асфальт и пошла, покачивая бедрами, к себе. Наверное, у нее был свой дом, пусть с не очень заботливыми хозяевами, но это был ее родной дом. Она, как и те женщины, которые были верны своему дому, не променяла своих хозяев на сытую жизнь.

А может быть, я был не очень настойчив, не знаю.

4. Истории про Федора

Девичий разговор

Татьяна Голубева вместе с другими молодыми преподавательницами нархоза на институтской турбазе парились в бане. Татьяна стояла в клубах знойного пара. Его языки вихрились, как будто бы изголодавшиеся по женскому телу руки мужчин, ласкали ее упругое тело, скользили по бедрам, по большой, торчащей вверх сосочками груди, вились между ног. Татьяна со всего маха ударяла себя распаренным березовым веником. Грудь от ударов завораживающе колыхалась. Струйки воды вместе с потом сбегали вниз, попутно облизывая лепесточки ее разгоряченных нижних губ и возбужденный бутончик, называемый в трудах древних философов «сладостью Венеры». Молодая женщина легко постанывала, закусив нижнюю губу. А возбуждаться и грезить было от чего.

Лида, ее подруга, работавшая диспетчером, только что перед девчонками раскрыла картину своего секса с любимым мужчиной. После раннего брака и развода у Лиды осталось две дочери. Денег не хватало. Где-то преподаватели подбрасывали премии за удачное для них расписание занятий, где-то нерадивые студенты благодарили за проставленные зачеты и экзамены. Но главной финансовой надеждой для Лиды был любовник – Николай Цементенко.

Об их сексе она и вещала любопытным подругам.

– Я целовала Николая, держась рукой за его дружочка, но он никак не вставал. Я опустилась ниже, направила его мальчика себе в ротик. Начала оближивать, как эскимо, посасывать, как леденец-петушок на палочке. Он начал расти, увеличиваться и увеличиваться. Ох, каким он стал большим.

– Неужели больше, чем обычно? – обалдевали слушательницы.

Видеомагнитофонов тогда еще не было, эротических и порнофильмов тоже.

– Ой, Лидка, рассказывай, рассказывай, – загалдели подружки.

– А вы, девки, не перебивайте, как интересно...

– Я не знаю, больше или нет, но торчал он как свеча, – Лида продолжила свой рассказ.

– А что потом-то, что? Говори, не томи душу.

– А потом он как стрельнет мне сметанкой прямо в ротик. Я чуть не подавилась от неожиданности.

– Ой, ой... – затаив дыхание, запричитали девчонки. – Дальше, дальше говори...

– Эта свечка вдруг резко сдулась, превратившись в висячую тряпочку...

– А сметанка на вкус какая? А тряпочка совсем отвисла с концами, что ли? – наперебой стали спрашивать девчонки.

– Сметанка приятная, немного напоминает вкус крахмала. Но я же не отгрызла, тряпочкой просто стал его дружок, от усталости, наверное. Я его потом минут через двадцать поцеловала, он опять принял эрегированное состояние. Прикол-то в чем: была висюлька – стала свечка, потом свечка стала тряпочкой, потом тряпочка – опять свечкой. А я ощущала себя властелиной мужского достоинства и всего моего Николашки.

Когда Татьяна с Лидой остались наедине, Таня рассказала, какой дружок у ее Федора.

– Федя предложил мне поцеловать свой большой мужской «интеллект». Я поднесла его к лицу и просто обалдела – такой набалдашник, на половину моей головы, как батон докторской колбасы.

– Танька, а давай вместе попробуем **его- этот** интеллект, у Федора в тряпочку превратить!

– Давай, Лида, думаю, Федор не откажется.

И вот уже две девчонки-проказницы стремятся укротить «интеллект» молодого мужчины. Обцеловали, облизали, обсосали и обдрочили руками, а он никак в тряпочку не хочет превращаться.

– Лидка, ты неправильно делаешь. Вот смотри, берешь этот баклажанчик у самого основания. Пальчики зажимаешь в колечко. Ласкаешь его губками, язычком, ротиком туда-сюда. А пальчики либо плотно сжимаешь, либо чуть отпускаешь. А еще пальчиками другой руки пробегаешь по нему, как по дудочке, нажимая ими, как это делает музыкантша-флейтистка. Этим ты как бы регулируешь его возбуждение, его напряжение и соответственно размер. Вот посмотри, как я это делаю, – Татьяна принялась раскрывать секреты своего «музыкального» искусства.

– Готовишь, значит, его для дальнейшего своего желания. Или ручками заставишь его отстреляться теплой сметанкой. Или, подготовив до нужной кондиции, можешь на него усесться.

Федор обомлел. Он наслаждался любознательностью и открытостью девчонок, отсутствием у них стеснения и других комплексов.

– Да я, Танька, в музыкальной школе не училась. На фортепьяно, правда, маленько музицировать умею. Ну, дай теперь я попробую. Че ты все сама, да сама. Я тоже хочу.

Так они музицировали долго, пока парню не надоело. Тогда Федор поставил девчонок рачком и начал поочередно входить в их горящие страстью лона. Девчонки стонали, плакали от восторга и легкой боли. Потом одна прижималась сосочками к спине бойца сексуального фронта, стараясь ухватиться по инструкции за основание большого «интеллекта», пока он утюжил подругу. Затем девчонки менялись местами. Перепробовали все возможные позы. Когда сексуальные фантазии начали иссякать, Федор заревел, как будто бы ему в спортивном зале на ногу уронили стокилограммовую штангу. Он вытащил своего дружка из жаркого вулкана, и девчонки принялись поглощать извержение с аппарата и половых губ друг друга.

Сколько раз девчонки достигали оргазма, они уже не считали. Но аппарат хоть и обмяк, но в тряпочку превращаться не хотел. Немного полежав без сознания, Татьяна снова принялась своим ротиком веселить аппарат Федора. Постепенно он крепчал и уже принял угрожающий вид. Лида заворожено смотрела, а потом отодвинула Татьяну и уселась на этот жаркий и сладострастный предмет. Она скакала, размахивая руками, как будто революционная конница комдива Чапаева гнала белогвардейцев с поля боя.

А Татьяна горько плакала на кухне, причитая:

– Я поставила, привела его в рабочее состояние. А эта Лидка, нахалка, уселась и поехала.

Окончив скачки с Лидой, Федор подошёл к Татьяне, нежно поцеловал ее и ласково сказал:

– Танечка, милая, глупенькое ты мое солнышко, не плачь, родная. Всем хватит, не беспокойся.

Таня прижалась к своему любимому:

– Феденька, Феденька, дорогой, я только похвастаться хотела перед подругой, какое большое достоинство мне подвалило. Но отдавать в руки другой женщине своего любовника я не желаю.

Татьяна всхлипывала, слезы ручьем бежали по ее лицу, падали на грудь, потом текли вниз и облизывали разбухшие лепесточки нижних губ и ее перевозбужденный, выпирающий ниже бугорка Венеры, трепетный бутончик.

«Не, Лиду больше звать не буду. Мы лучше потом с Наташкой попробуем Федора замучить сексом, горячим и необузданным. Я с ней завтра договорюсь», – про себя думала Татьяна.

Волшебник и волшебство

В город Братск, где работал Федор, привезли волшебника.

Экстрасенс вызвался лечить и показывать чудеса в северном городе. Федор возил начальника строительства, а тут у него в пассажирах гость из Америки. Правда, уроженец Узбекистана.

Виктор – референт начальника – во время движения Волги вдруг обращается к Ибрагим, так звали экстрасенса:

– А вы можете на ходу заглушить мотор автомобиля?

– Могу, я все могу, – произнес Ибрагим, посмотрев на него.

Потом он напрягся и побагровел. Федор подумал: «Сейчас как бзданет, всю машину говном забрызжет, а мне убирайся, блин, потом». Но волшебник пердеть не стал, он злобно произнес фразу:

– Ай, ай, ай. Готово, шайтан.

Эстакада Братской ГЭС

И мотор заглох. Сорокаградусный мороз. Мы стоим на эстакаде через Братскую ГЭС. Клубы зловещего тумана наползают с водной глади Ангары. Река, наверное, тоже рассердилась на людей. Федор вышел из кабины, открыл капот, проверил провода на трамблере, свечах зажигания – все в норме, повреждений нет. Датчик топлива показывает полный бак. Что могло произойти, понять сложно. Чудо какое-то.

– Ха-ха-ха, – начал весело смеяться Ибрагим. – Заводи, поехали, все будет нормально, я снимаю заклинание.

Машина завелась с полуоборота. Всю дорогу ехали молча.

В конторе началось представление. Начальник позвал свою жену, та показала Ибрагиму фотографию брата и попросила рассказать о его судьбе. Эта тема была для нее очень болезненной.

– Твой брат мертв. Он утонул на реке Амур при следующих обстоятельствах, – экстрасенс подробно рассказал хронологию событий. – Второй, кто был в лодке, выжил. А вот с берега происшествие видел человек, выглядел он так-то...

Вся информация сходилась на 100%. Мария Ивановна – жена шефа – от нахлынувших чувств свалилась в обморок. Когда ее откачали и увели, начальник попросил обследовать его шофера. Федор встал к приставному столику напротив Ибрагима. Волшебник стал сканировать пациента, приподняв ладонь. Потом говорит:

– Я не могу, мне мешает большая связка ключей, убери ее, Федор.

Федор обалдел: «Как это он узнал о ключах?» Потом повиновался, исполнил требование экстрасенса и выложил ключи на стол и стал ожидать продолжения. Экстрасенс далее произнес:

– Я прошу всех выйти из кабинета, буду с парнем говорить один на один.

Когда все вышли, последовал диагноз:

– Ты умрешь через три года и три месяца, хотя ты физически здоров.

Ибрагим говорил, а из его глаз начинали сыпаться искры. Искры как у бенгальского огня. Только его искры были холодными. Они падали на стол шефа, рассыпались по поверхности, но бумаги и документы оставались лежать нетронутыми этим зловещим адским огнем и не воспламенялись.

– У тебя я ощущаю огромную мужскую силу, ты очень крепок, – грустно продолжил волшебник.

– А если я женюсь, я успею родить сына? – тревожно, с нотками безысходности начал лепетать Федор.

– Все во власти Божьей, – произнес экстрасенс...

Вчера Федору принесли повестку из военкомата на военные сборы. Прибыть к 6 часам утра, с собой иметь... далее по списку.

– Хоть не убьют на сборах, не подорвусь на mine, – с горечью думал Федор (он был сапером).

Он позвонил подруге Ирине Ивановой, у нее был конфликт с мужем. Жили шесть лет, а детей не было. Брак разваливался, отношения на грани развода. Федору нравилась фигурка этой девчонки. Высокая, большая грудь. Осиная талия, попка как репка, соблазнительная до не могу. Глаза карие, озорные. Голос обволакивающий, томный и нежный.

– Ирка, давай я тебе сделаю ребеночка. Хоть смысл в жизни у тебя будет, – говорил в телефон приговоренный к скорому окончанию жизни парень.

– Я согласна, Феденька, приходи сегодня ночевать. Мой в ночную смену будет на БЛПК (Братском лесопромышленном комплексе).

Вечером Федор пошел бухнуть в местный ресторан. Горевал о своей короткой жизни, которая должна была оборваться в 29 лет. Немного всплакнул. Собутельников не было, вот и напивался он один на один со своей тоской. Когда Федор уже был изрядно пьян, к нему за столик подсел Ибрагим.

Потом Федор пришел в себя в постели. Его большой «интеллект» был вставлен в теплое, ритмично сокращающееся отверстие. Чья-то задница описывала кренделя, извивалась, будучи насаженной на солидный шампур Федора, как кусок мяса на мангале при готовке шашлыка. Вдруг на Федю налетел ураган, его начало трясти, мощный оргазм вырубил сознание парня.

Когда Федор очнулся, он встал и на ощупь в темноте начал искать туалет. Наконец дверь сортира нащупана, и она открылась. О Боже, Федор видит, как стоящий у зеркала Ибрагим дрожит свой небольшого размера отросток. В унитазе плавают какашки, которые никак не хотели смываться. Вот Ибрагима настигает оргазм, на головке его отростка начинают проступать капельки спермы. Только тогда Федор врубился, в какую историю он угодил по пьянке. Ибрагим начал приставать к нему, лез целоваться. Небритые щеки волшебника кололись, Федору хотелось блевануть. Он не осуждал гомосексуалистов, никогда не насмеялся над нетрадиционной ориентацией. Но ему вдоволь хватало баб. Они, как мотыльки на свет лампочки, слетались к его «интеллекту». Хвастались одна перед другой, и от этого армия его почитательниц только росла. А тут такой конфуз. «Хорошо, что хоть самого в жопу не поимели», – подумал Федор.

– Ибрагим, ты меня пойми правильно, это произошло случайно, я такой херней не занимаюсь. Не понимаю и не вижу в таком сексе применение своих сил. Я люблю женщин. Нет, я

их просто обожаю. Извини, дорогой волшебник, мне надо уходить. Об этом приключении я никому рассказывать не буду. Прощай, наверное, ты еще найдешь себе любимого.

Грубить волшебнику было опасно и страшно.

На глаза Ибрагима навернулись слезы, он пытался засунуть в карман Федора пачку денежных купюр. Но наш герой отказался и ушел в темноту спящего города.

Ирина все глаза проглядела у окна, ожидая любимого. Федор от нервного потрясения уже отрезвел, но на душе его было хреново, как будто бы в грязь окунулся с головой. Потом Ирина, купая Федора в ванне после ярких любовных утех, любовалась его богатырским телом. Как вдруг со скрипом отворилась дверь квартиры. Внезапно пришел муж, оказалось, его тоже вызвали по тревоге в военкомат на военные сборы.

«Наверное, волшебник просчитался, придется погибнуть раньше. Может быть, это он своим колдовством устроил приход мужа Ирины?» – подумал наш герой-любовник.

Но в эту ночь опасность миновала Федора. Гроза прошла стороной.

Федор не рассказывал эту историю никому и никогда. Боялся кары от экстрасенса. Мне он поведал свою тайну спустя 25 лет.

Бегство в Усть-Илимск

Колеса поезда стучали, слегка подпрыгивая, на стыках рельс. Поезд вез «партизан» на военные сборы в Читинскую область. Заместитель военного комиссара подполковник Бородин обходил вагоны с проверкой личного состава военнообязанных запаса. Где-то бухали, пели песни. Где-то уже спали. Парней вырвали по тревоге с ночных смен на производстве, вот и наслаждались они сладким сном под монотонный стук колес. В одном купе опытный взгляд подполковника остановился на здоровенном парне. Тот увлеченно напильником правил лезвие огромного охотничьего ножа.

– Замочу Федьку, сучару, чтобы он, гаденыш, не лазил под одеяло к чужим женам, – бубнил себе под нос подвыпивший амбал.

Бородин все понял. Вернувшись в штабной вагон, он начал судорожно листать список лиц, призванных на военные сборы. Там был только один Федор – Еремеев. Адьютант быстро доставил потенциальную жертву на разговор с подполковником.

– Федор, ты знаешь, что тебе угрожает расправа, и довольно жестокая? – начал разговор опытный военный офицер.

– Да, могу предположить такое, – Федор не стал запыряться.

Он рассказал Дмитрию Яковлевичу Бородину как на духу – как отцу, как старшему товарищу – всю свою историю. Федор был безгранично удивлен и благодарен этому седому лысеющему офицеру за проявленное внимание и заботу. Никто никогда не интересовался жизнью бывшего детдомовца Федора. А тут...

На станции Тайшет Бородин высадил Федора из поезда, вручив ему пакет с донесением для Братского городского военкома. Наверное, это было придуманное подполковником основание для возвращения героя-любownika в родной город. Но так или иначе, опасность Федора и на этот раз миновала. После очередной бурной ночи с красавицей Ириной Федор собрал рюкзак и без объяснения причин написал на работе заявление об увольнении.

На трассе в Усть-Илимск его сразу подхватили знакомые шоферы. Шоферская дружба – это особая категория. Взаимовыручка здесь возведена в категорию жизненной необходимости, как кислород для живого организма. А иначе и быть не могло. Попробуй, сломайся на северной трассе. Если тебе не помогут, проедут мимо – кранты. За ночь на лютом морозе завернешь лапты. В такой ситуации может оказаться любой водитель, вот и логика проста: стоит машина – подойди, спроси, нужна ли помощь.

Усть-Илимская ГЭС

За разговорами 250 километров пролетели незаметно. На горизонте показался юный город. Усть-Илимск расположен на одной широте с Ленинградом, в нем тоже бывают белые ночи. И в этот раз была белая ночь, было светло как днем, хоть и время уже первый час ночи. «Как здесь здорово», – подумал Федор.

Усть-Илимский ЛПК

В отделе кадров «Братскгэсстроя» ему дали направление в комсомольско-молодежную бригаду водителей тяжеловозных КраЗов к Леониду Карнаухову. Ленка, улыбочивый парень, посадил Федора на новенький КраЗ, и понеслось соревнование с водителями болгарского молодежного отряда имени Георгия Димитрова на строительстве Усть-Илимского лесопромышленного комплекса. Но проработал он там недолго. Вызвали Федора в контору «АТУ-8» и дали направление в пассажирскую автоколонну, там нужны были опытные «членовозы» – персональные водители членов руководящего состава. Но подписание обходного листа застопорилось на комсомольской организации. Недавно сам второй секретарь горкома комсомола Володя Исаков проводил проверку первичной комсомольской организации. Секретари горкома были в авторитете у молодежи. Они могли выслушать, помочь, повести за собой, но могли и отодрать по полной программе за нерадивость и упущения в комсомольской работе. Вот и отодрали Маринку, комсомольского секретаря автотранспортного управления, за провал в сборе комсомольских взносов. Отсюда и строгости при увольнении.

Вечером с комсомольским билетом и обходным листом, с денежками на комсомольские взносы – аж 75 рублей (зарплаты были хорошими) Федор поплелся в болгарскую общагу, там жила секретарь. Маринка была дома. Она приехала с Украины, родом была оттуда. От нее исходил запах свежее испеченного хлеба. И сама она была как сдобная булочка. Ладно сложена, с красивой фигурой. Длинные русые волосы спадали ей на плечи. Голубые глаза пытливо осматривали Федора. Парень протянул секретарю денежки, комсомольский билет и обходной лист (его еще называли «бегунком»). Марина сверилась с данными из бухгалтерской справки. Забрала деньги, отдав сдачу 23 копейки, и поставила свой штамп в бегунок и комсомольский билет. Федору почему-то уходить не хотелось, и он завел с секретарем философский разговор.

– Понимаешь, Марина, в нашем молодежном городе самая высокая в мире рождаемость. Все дворы заставлены детскими колясками. А вот многие и не представляют себе, что при зачатии ребеночка во время оргазма вибрации этого самого возвышенного чувства летят в далекий космос. Там, на краю Вселенной, они вызывают энергетическую бурю, мощный взрыв, в результате которого раскручиваясь в термоядерном вихре, возникает новая материя, из которой зарождается новая галактика. Люди, заканчивая свою земную жизнь, могут улететь в свою галактику. А еще эти галактики могут сливаться, соединяться. Короче, вы с любимым можете слиться своими галактиками и жить вечно в любви и радости вдвоем. Люди этого не знают, а тупорылые ученые еще не додумались до такого и не открыли этих законов сохранения любви и интеллекта, – Федор говорил тихо, его завораживающая интонация вибрировала бархатной энергией, заполняя комнату Марины сказочным теплом.

– Нет у меня никакого любимого, – печально сказала Марина.

Она внимательно слушала Федора, и ее глаза начали наполняться слезами.

Любовь и зарождение новой галактики

– Как красиво и загадочно ты говоришь, Федор. Тебе, наверное, надо быть писателем или поэтом, а ты крутишь баранку, – романтичной интонацией разорвала затянувшуюся паузу Марина.

– Поздно мне уже переквалифицироваться, – угрюмо парировал Федор.

– Как же поздно-то, тебе только 26 лет, жизнь начинает расцветать, – изумилась ответу парня Марина. — Лермонтов и Пушкин не были старцами, когда написали свои бессмертные произведения. А тебе, может, предстоит это сделать. Что за пессимизм, Федор? – Марина недоумевала.

– Понимаешь, Марина, мне осталось жить всего два года и восемь месяцев, – голос парня звучал безнадегой.

Опережая очередной вопрос Марины, Федор пояснил:

– Экстрасенс-волшебник так предсказал мою судьбу. А он никогда не ошибается, я это точно знаю. Проверено на людях.

Установилась звенящая пауза. «Как такое может быть, за что?» – думала Марина.

Потом Марина разрыдалась, она не могла представить себе этого парня мертвым. Федор подсел к ней на кровать и начал успокаивать девушку. Он гладил ее вьющиеся волосы, спадающие на плечи. Потом он обнял Марину и прижался к ней. Федор впервые почувствовал как бы материнское тепло, исходящее из сострадающего ему сердца Марины. Такого искреннего, такого близкого и родного. Марина продолжала плакать. Захваченный этой волной страдания и сострадания Федор тоже прослезился. Потом они не заметили сами, как начали целоваться, говоря друг другу нежные и проникновенные слова, жарко перебивая друг друга.

Потом Марина сбросила с себя халатик, и взору Федора представилось ее красивое тело. Он смотрел на свою новую подругу и не мог налюбоваться. Вдруг Марина вскинула голову назад, чтобы освободить свой взор от спадающих на лицо русых прядей волос. Волосы полетели назад. А ее полная жизненных сил, упругая, как мяч, большая грудь метнулась вслед за движением головы девушки. Потом, как маятник, грудь качнулась в обратном направлении,

немного колыхнулась и замерла. Упругая волна пробежала по телу девушки. Федор был очарован, он не мог произнести ни слова. Потом, очухавшись как от наваждения, он дрожащим голосом произнес:

– Мариночка, шевельни еще вверх своим плечиком.

Марина озорно засмеялась и резко подняла вверх правое плечо, потом левое.

– Смотри, Федор. Любуйся. Я сегодня твоя. Только ты не уходи, не умирай. Смотри, милый. Жизнь прекрасна, мы будем жить вечно.

Ее высокие груди скользнули одна за другой вверх. Потом их масса вернулась вниз. Несколько мелких, заораживающих колебаний – и они застыли в трепетном ожидании поцелуев.

Федор нежно целовал розовые соски. Ласкал своими крепкими руками тело Марины. Его ладони скользили от груди к спине. Бежали вниз к талии, описывали дуги по бедрам дрожащей в экстазе девушки. Потом они прогуливались, лаская спину Маринки. Кожа девушки от чувственного восторга покрывалась мелкими пупырышками, становилась «гусиной». Затем руки Федора перемещались вниз живота подруги. Его пальчики с их легкими воздушными прикосновениями были как крылышки ангела. Они бегали как волшебные грабки кобзаря по струнам чувственной колесной лиры.

Симфония любви захватила молодых людей. Они не могли оторваться друг от друга. Марина тонула в волнах оргазма от одних только восхитительных прикосновений.

Вдруг на секунду она вынырнула из сладострастной пучины, чтобы глотнуть живительного воздуха, и томно начала шептать:

– Федя, Феденька, родной мой, давай создадим свою галактику. Пусть далекий космос встряхнет поток термоядерной энергии нашего счастья и любви.

Вся ночь была освещена этой волшебной, сладкой, чарующей и жизнеобразующей энергией. Потом Марина любовалась спящим Федором. Он изредка вздрагивал и вздыхал во сне. «Наверное, новая, образованная сегодня нашей любовью галактика передает Федору какие-то космические сигналы», – подумала влюбленная девушка.

Утром Марина приготовила завтрак. Она целовала Федора и благодарила за незабываемую ночь любви.

– Федор, я за твои нежные руки готова полжизни отдать, – восторженно говорила Марина. – Я была на вершине восторга, на планете женского счастья.

Федор впервые от девушки слышал такое. Обычно, другая часть тела была самой запоминающейся в женском сознании. А тут – нежные руки... Да, Маринка была необычной, сказочной женщиной. Потом они расстались, и Федор пошел в диспетчерскую ПРО (производственно-распорядительного отдела) «Братскгэсстрой». Там его уже ждал непосредственный начальник – Иван Михайлович Говорунов.

А Марина вскоре почему-то поспешно уехала *на Украину* к себе домой. Они даже не попрощались, не обменялись адресами. Связь прервалась. Но Федор душою чувствовал, что новая галактика иногда передавала ему слабые радиосигналы. Но расшифровать их он не смог, а может, просто не захотел.

Топором по любви не хотите?

Иван Михайлович Говорунов четко воплощал смысл данной ему фамилии – он был весельчаком и юмористом. Но если Иван Михайлович впрягался в работу, а впрягался он всегда, то не было требовательнее, чем он, человека. Требовательного к себе и ко всем подчиненным, подрядчикам и субподрядчикам. Сам он родом из Белгорода. Окончив московский институт, приехал в Усть-Илимск, да так и остался на долгие годы в юном северном городе. Иван был высокого роста, с Федором они были почти ровесники. Только вот Федя был коренаст и невысокого роста. Правда, если к его росту прибавить длину его «интеллекта»... Он выглядел бы выше некоторых баскетбольных звезд. Но Федору и так хватало, главное, женщины его любили. Он был холост и ничем не обременен, поэтому мог работать день и ночь, в выходные и в праздники. За это начальство его любило. А то, что шофер был хорошим профессионалом и неболтливым по своей натуре, придавало еще большую значимость его имиджу. Однажды Иван Михайлович сказал Федору:

- Сегодня едем на блядки, разрядиться надо немного, а то нервы на пределе уже.
- На блядки так на блядки, как скажете, шеф, – в ответ засмеялся Федор.

Он знал, что если Иван Михайлович шел в загул, значит, все будет серьезно. На работе ништяк, все отрегулировано, беспокоить никто в обозначенное время не будет. С девчонками всегда порядок, они безумно влюблялись в Потапыча, так его любовно называли подруги.

Дорога была недалней, через двадцать минут они уже были в Новом городе. Встречала гостей в своей квартире голубоглазая блондинка Светлана Озерова, Федора ждала жгучая брюнетка Татьяна. Света была разведенка, дети жили с бабушкой.

А Татьяна была замужем, и квартира ее находилась в том же подъезде, что и у Светланы, только на первом этаже. Гулянка понеслась сразу со старта полным ходом. Иван уходил с красавицей блондинкой в спальню, они занимались любовью и снова возвращались к столу. Все весело бухали чистую, как слеза, водку и закусывали сибирскими деликатесами: речной рыбой и диким мясом.

Федор раздел Татьяну. Она хоть и была замужем, но не очень владела премудростями сексуального искусства. Стеснялась, тормозила поначалу. Потом, правда, разогрелась, раскрепостилась, и сексуальная энергия заполнила всю Светкину квартиру. Стоны доносились то из одной комнаты, то из другой. Пир пьянства и секса был в полном разгаре, когда в дверь квартиры позвонили.

Татьяна напряглась как струна.

– Это муж, сейчас он устроит дебош и поножовщину. Он бывший сиделец, терять ему особо нечего, – с тревогой в голосе произнесла она.

Все замерли в ожидании развязки. Света на цыпочках подошла к двери и тихонько посмотрела в дверной глазок. На площадке стоял разъяренный, как бык, муж Таньки. Он готов был наброситься на тореадора с топором. Топор был с широким лезвием для рубки мяса, рукоятка длинная.

– Слышь, ты, козел, – начала из-за двери вещать Светка. – Катись отсюда, пока не нашел на свою жопу приключений. Ты че ко мне тарабанишь, пьянчуга? Я со своим мужчиной занимаюсь любовью, а ты тут с топором выживаться пришел. Еще раз по-хорошему прошу: уходи отсюда нафиг или тебе хуже будет, – твердо, без тени страха отчеканила блондинка.

– Ты мне нахер не нужна, Светка. Пусть моя Танька выходит, – уже без прежнего напора начал кричать из-за двери обиженный муж.

– Нет тут никакой Таньки, катись отсюда!

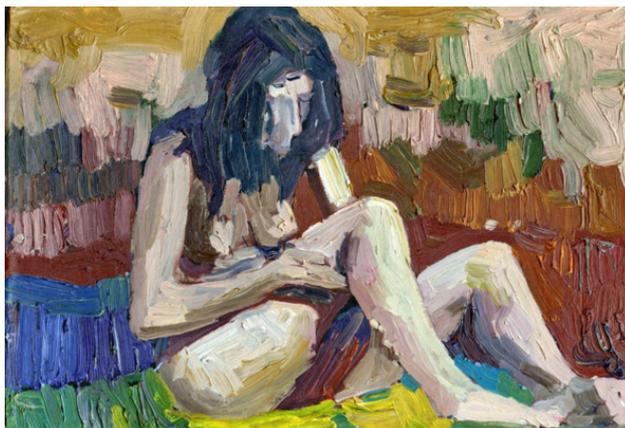
– Светка, открывай, я только посмотрю и уйду.

– Ага, сейчас, буду я перед тобой голыми сиськами сверкать. Иди к своей Таньке и любуйся ее дойками, а от меня отстань или я милицию пошла вызывать.

– Ну, сука, ладно, я в подъезде тогда караулить буду. Все равно рано или поздно выйдете, бляди, из квартиры.

– Хрен с тобой, сиди и жди сколько хочешь, только не на моей лестничной площадке, долбодятел непонятливый.

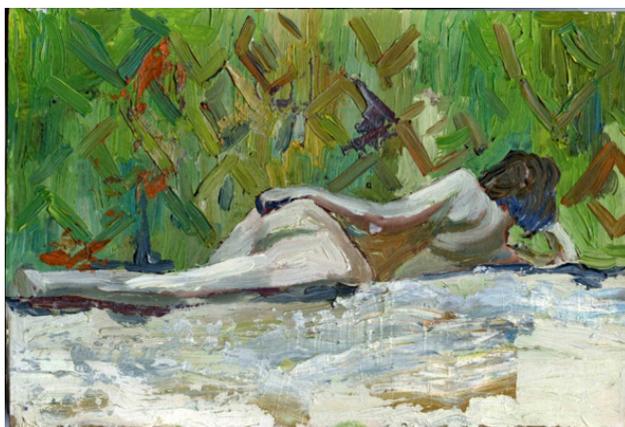
Обескураженный Отелло ушел вниз. Пир продолжился.

На грани риска жизни и смерти оргазмы у Татьяны были еще жгучее, еще острее. Она улетала в небеса и со всего маха падала вниз в постель в объятия Федора. Теряла сознание и снова возвращалась, охваченная дурманящими чувствами экстаза. Ей было все равно, что будет потом. Главное, сейчас ее Феденька рядом и его большой «интеллект» бороздит вселенную ее еще не раскрытых ранее пластов сладострастных чувств.

– Феденька, Феденька, любимый, как мне хорошо с тобой, – шептала она, прижимаясь к Федору.

Но всему приходит конец, пришло время завершать и этот сексуальный марафон. Иван Михайлович оделся. Смотрясь в зеркало прихожей, поправил галстук. Федор тоже уже был наготове. Договорились спускаться медленно и возле машины решили быть осторожными. Отелло с топором не должен был застать плейбоев врасплох. Поцеловав друг друга, наши герои шагнули в темноту подъезда.

На лестничной площадке первого этажа они увидели сидящую сгорбленную фигуру с топором наперевес. Федор страховал, а Иван Михайлович демонстративно перешагнул обезумевшего и съежившегося от страха Отелло. Фигура Ивана Михайловича заполнила весь лестничный проем. Федор пнул ногой в жопу сторожившего свою неверную жену «мавра»:

– Пододвинься, мудило. Весь проход перегородил.

Отелло принял с благодарностью этот поджоппник. Он, наверное, подумал: «Хорошо, что хоть бить не стали». А наши героини сели в уазик, отъехали по проспекту Мира несколько метров. Потом машина еще долго сотрясалась от смеха молодых и озорных героев-любовников.

Забота о здоровье. Умирать-то неохота

Жить оставалось полтора года. По крайней мере, столько отмерил Федору экстра-сенс-волшебник. Жизнь прекрасна, и помирать уж очень сильно не хотелось. Федор решил заняться закаливанием. Очень жалел, что не уточнил у предсказателя, от чего загнется, или дубу даст, или лапы завернет. Как бы ни говорили, а такие знания не лишние, может, и побороться бы смог. Защитить себя. А так – общее закаливание организма. Так велел главный врач железнодорожной больницы Николай Алексеевич Наумов, что из поселка Железнодорожный.

Когда я встретил Федора на улице, у меня пропал дар речи.

Переведя дыхание, я спросил донжуана моржового:

– Федя, мороз минус сорок семь градусов, ты идешь в болоньевой куртке на голое тело, без шапки. Тебе не кажется, что люди могут подумать про тебя – безмозглый дурак?

– Не, не подумают, – поглаживая заиндевевшие кудри на своей груди, ответил Федор. – Люди увидят, что я не босиком, а в кедах, и сразу поймут, что парень закаляется, – беззаботно заключил мой друг.

Я посмотрел – действительно, в резиновых кедах на босу ногу.

– Доказывать что-то бесполезно. Разреши, Федя, сразу перейти на оскорбление, – продолжая разговор. – Ты, Федя, при такой погоде себе болт отморозишь, девки любить перестанут, – предостерегаю я своего друга.

Федя громко захохотал, клубы густого пара вместе с выдыхаемым воздухом вылетали изо рта моржа. От этого он походил на Деда Мороза и Змея Горыныча одновременно. Но не на простых сказочных героев, а на придурков на всю голову шибанутых.

Я как накаркал. Спустя некоторое время от простуды у Феди закапало с конца. Привожу его к Николаю Алексеевичу Наумову в больницу и решаю приколоться.

– Коля, у моего кореша нижний зуб заболел. От любви или нет, не знаю. Проверить бы надо. Только одна проблема. У него писюн малюсенький. Попроси, чтобы медсестра Настя отыскала его в штанах парня и сделала мазок для бактериологического анализа.

Когда Федор по моему приглашению вошел в кабинет главного врача больницы, Наумов подбадривающим голосом сказал, обращаясь к Федору:

– Не переживай сильно, Федор, хрен не должен быть большим, он должен быть веселым. Федор ничего не ответил. Он только пожал плечами в недоумении.

Настя, высокая стройная брюнетка с великолепной фигурой и гордой осанкой, перечить главврачу не стала. Вот они с пациентом идут в процедурный кабинет. Она – высокая и статная, и Федор – ростом ей до груди, но коренастый, как штангист. Я весь замер в ожидании. Через несколько минут Настя заходит в кабинет Наумова с гордо поднятой головой. Она умная девчонка, догадалась о моем приколе про маленький пенис пациента.

– Николай Алексеевич, ваше указание выполнено. Я взяла мазок из этого «маленького» писюна. Даже наклоняться не пришлось, – хитро улыбаясь, девушка поглядела на меня и ушла.

Федор зашел следом, он выглядел ошеломленным.

– Вот это баба! Какая фигура! Какой рост! Ее в грудь целовать можно не нагибаясь. Все, Серега, я женюсь. Кончилась моя холостяцкая жизнь. Я встретил свою мечту. Она будет матерью моих детей. А потом уже и помирать можно...

Свадьба и брачная ночь на осколках битого стекла

После первой брачной ночи Настя прибежала в комнату в общаге к Петру. Он был нашим общим другом, и они ранее иногда с Настей придавались любовным утехам.

– Петя, слышь, у него этот самый... как пожарный брандспойт, – стала причитать девушка.

От испугу она немного преувеличивала.

– После комсомольской свадьбы, когда гости разошлись и мы остались одни в комнате общежития, Федор постелил простынь на полу, – продолжила Настя. – Потом – о ужас! – разбил молотком с десяток пустых бутылок. Осколки стекол положил на импровизированное брачное ложе, – голос девушки задрожал.

– Теперь мы, Настя, будем с тобой строгать маленького Буратино, – сказал Федор, содрогаясь от сексуальной страсти...

Петя осмотрел спину девушки. Порезов не было видно, но вмятины от острых граней битого стекла запечатлелись на упругой коже девушки. Наверное, Федор смог передать супруге какие-то йоговские импульсы, которые спасли кожу девушки от глубоких порезов.

– Я с перепугу думала, что после полового акта пойдем голыми на мороз бегать босиком по снегу или по горящим углям возле общаги... Петенька, мне страшно. Я боюсь этого монстра. Пожалей меня, – девушка горько заплакала.

Петя пожалел девушку четыре раза за ночь. Наутро она ушла к своему йогу.

«От такого брандспойта сбежала к обычному парню», – подумал я.

Опять мне вспомнились слова Наумова Николая Алексеевича: «Хрен не должен быть большим, он должен быть веселым!»

Потом я переговорил с Федором. По-дружески порекомендовал заниматься йогой самому, а жену не испытывать такими изысками.

– Для нее экзотики, – я показал взглядом ниже пояса друга, – и так выше крыши.

Федор больше таких экспериментов не проводил. Он полюбил Настю. Девушка тоже влюбилась в своего мужа. Позже у них родилось два сына. Супруги дружно катали коляски по красивым, нетронутым островкам тайги, которые мудрые строители и проектировщики оставили для горожан внутри микрорайонов в нашем молодом городе Усть-Илимске.

Многие девчонки завидовали Насте, какой заботливый и внимательный был у нее муж. Как он смотрел на супругу...

Глаза его светились божественным светом. Сыночки-двойняшки на его руках резвились и звонко хохотали. Такая сказочная дружная семья. Какие чистые и трепетные отношения.

«Только усть-илимские Ромео и Джульетта, радостные и счастливые, не думали о смерти», – хотел было написать я.

Нет, о приближающейся смерти думал Федор. Когда он ночью внезапно просыпался, то любовался спящей прекрасной Настей, его женой, и с горечью думал, что вот уже скоро он покинет этот мир. Настя останется одна воспитывать двоих озорных сыновей.

Он целовал свою красавицу, потом молча, стиснув зубы, плакал. За что ему участь такая, за что?

Федя забыл всех своих поклонниц. Настя тоже была преданной и верной своему еще недавнему земному воплощению Дон Жуана и Джакомо Джироламо Казановы. Наверное, Настя своей любовью и спасла Федора от смерти, предсказанной экстрасенсом-волшебником.

Верность – лучшее качество донжуана

Не сразу выветривались из головы, вернее из обеих (верхней и нижней), мысли о сексе на стороне. До смерти, предсказанной экстрасенсом, осталось два дня. Федор приехал в Иркутск, чтобы встретить самолет из Москвы. Его шеф Иван Михайлович возвращался из командировки.

«Встречу Говорунова, привезу его в Усть-Илимск и помру. Забегу-ка я напоследок к Татьяне Голубевой. Не видел ее уже давненько, попрощаюсь. Больше ведь не придется встретиться. Разве что на том свете», – подумал Федор.

Машина до утра осталась на стоянке в аэропорту. Федя с бутылкой сухого вина уже поднимается на пятый этаж панельного дома в микрорайоне «Солнечный», что на берегу иркутского водохранилища. Вот она, дверь некогда любимой девушки. Она, наверное, по-прежнему одинока. Ее дочка Леночка – точная копия мамы, только в уменьшенном масштабе, уже подросла, наверное.

Динь-динь. Это тот, прежний, до боли знакомый Федору дверной звонок. Дверь открывает Татьяна. Она, как и раньше, в халатике, надетом на голое тело. Ее большие упругие груди все также подпрыгивают при ходьбе и норовят вырваться на свободу из этого заволаживающего простенького одеяния.

Федор стоит и молчит. Он не знал, как же сказать Тане, что он послезавтра умрет, что это их последняя встреча.

Вдруг из комнаты слышится сердитый мужской голос:

– Таня, это кого еще на ночь глядя принесло?

«Может, экстрасенс ошибся с датой, может, мне уже сегодня помирать в драке с этим быком?» – начал думать Федор.

Он ни капли не испугался, ему было тоскливо от безысходности. Федор не стал проходить в квартиру, зачем? Драться у него не было желания. Быть участником выяснения семейных отношений он тоже не хотел. Время шло, Татьяна, наверное, вышла замуж. А тут он приперся, не предупредив заранее.

– Извините, я ошибся адресом, – отчеканил Федор, потом резко развернулся и пошел вниз на улицу.

На автобус он садиться не стал. Потихоньку поплелся по объездной дороге в аэропорт. Сумерки начали сгущаться. Что-то торкнуло в голове, и Федор обернулся назад. В свете фар встречных машин он увидел знакомую фигуру, бегущую вслед за ним. Это бежала Татьяна. Она каким-то седьмым женским чувством поняла, что Федор идет уныло пешком. Федор залюбовался эротичной динамикой движения молодой женщины. Когда в беге она отталкивалась одной ногой от асфальта дороги, два ее огромных мяча за пазухой устремлялись вверх и в сторону. Потом по инерции от собственного веса, как маятник, они устремлялись в другой бок. Затем от импульса, передаваемого другой ногой, они летели обратно. При этом мячи залетали на бок с такой силой, что казалось – они кружатся и бьются о кольцо баскетбольной корзины и никак не могут туда провалиться. Наконец ритмичное движение было остановлено объятиями Федора и запыхавшейся Татьяны.

– Феденька, мне надо с тобой поговорить, – переводя дух, произнесла Татьяна.

– Мне тоже, Таня, надо тебе многое сказать, – заговорил Фёдор.

Он поцеловал Таню в щечку, и они присели на придорожный валун. Таня начала серьезный разговор.

– Послушай, Федя, ты случайно триппером не болеешь?

Федор обалдел от неожиданного пассажа и чуть не свалился с камня на землю.

– Ты че такое говоришь, Таня? – ошарашено спросил Федор.

– Понимаешь, Федя, после нашего расставания я долго не могла тебя забыть. Другие мужики мне казались слабаками, и я при возникновении сексуального желания удовлетворяла себя сама. Я мастурбировала в кровати, иногда в ванне, открутив у душа распылитель, под теплой стружкой воды. Направляла ее поток на клитор и воображала, что это ты рядом со мной.

– Ой как поэтично. Но при чем тут триппер? – начал интересоваться Федор.

– Не перебивай меня, – сердито одернула парня Татьяна. – Потом у меня все же случился контакт с мужчиной. Ничего яркого, но сегодня он пришел ко мне домой с предьявой. Говорит, что, кроме жены и меня, никого не трахал все обозримое время. Пришел типа выяснять, откуда взялась венерическая болезнь. А тут ты звонишь в дверь и уходишь, вот я и побежала, чтобы тебя спросить.

– Ты только про триппер хотела спросить, и больше ничего?

– Да, Федор. Я просто ошарашена, и других мыслей в голове у меня нет.

– Ну и слава Богу. Успокойся, пусть твой любовник со своей благоверной разбирается.

Мы с тобой не при делах, если все так, как ты говоришь, – успокоил девушку Федор.

Глаза Татьяны засияли. Больше говорить вроде не о чем.

Федор пожелал Татьяне всего хорошего и продолжил свой пеший путь в аэропорт. Окрыленная Татьяна направила свои «лыжи с баскетбольными мячами» по направлению домой.

«Во, блин, какой только фигни в жизни не происходит, – шел и думал Федор. – Нет, я больше своей Настеньке изменять не буду. Да и жить-то осталось уже всего ничего – один день. Экстрасенс – он на то и волшебник, чтобы никогда не ошибаться», – грустно думал Федор.

Последние солнечные лучи заката убежали за горизонт. Облака начали сгущаться. Природа стала погружаться во власть тьмы. Федор шел не спеша. Вдруг в его сознании зазвучала грустная мелодия старого танго:

Утомленное солнце
Нежно с морем прощалось,
В этот час ты призналась,
Что нет любви.
Мне немного взгрустнулось,
Без тоски, без печали
В этот час прозвучали
Слова твои.
Расстаемся, я не в силах злиться,
Виноваты в этом только ты и я.
Утомленное солнце
Нежно с морем прощалось,
В этот час ты призналась,
Что нет любви.

Федор не умер ни на завтра, ни потом. Он жив и сейчас. В Усть-Илимске с женой Настей они растят многочисленных внуков.

Жизнь продолжается.

6. Мужские гулянки и измены в эпоху социализма

По грибы да по ягоды в тайгу или Персики да розочки

Дары природы всегда привлекали людей своей доступностью. Однако эти дары бывают разными. Например, дарами природы называют грибы и ягоды. Их видимо-невидимо было когда-то в пригородах Усть-Илимска, правда, теперь уже за ними надо ехать все дальше и дальше. Пovyтоптали горожане многие уголья. Да и экологические напряжения тоже сказываются на окружающей среде. Шутка ли, гигант лесохимии пытит, коптит, сливает стоки. А природа должна это все перемолоть.

Но бывают и другие дары природы. Ими наделяется человек. Только этот дар принято называть божьим.

– Ах, какая мне досталась красивая фигура, – крутятся перед зеркалом обнаженной, с гордостью произносит жгучая брюнетка Оксана.

– Да, с твоими природными данными – в кино сниматься. Какая роскошная грудь, какие бедра, а талия! Я просто не могу, – восхищается формами подруги русоволосая Анжелика.

Подруг пригласили в лес по грибы два парня – Геннадий Айзянов и Дживан Айрапетян.

– Послушай, Оксана, а у кого, ты думаешь, из пацанов божий дар посolidнее будет? – интересуется Анжелика.

– Не знаю. Для меня намного важнее, чтобы мужчина был ласковый и нежный. А размеры – это уже вопрос второй, – промурлыкала Оксана.

– Не скажи, что-то все в первую очередь обращают внимание на габариты, – не соглашается Анжелика. – Мужикам подавай большие сиськи. Округлую пятую точку. Большие, небесной синевы глаза...

Оксана была старше Анжелики, и ее сексуальный опыт был богаче. Хотя в те времена первый опыт и расставание с девственностью зачастую являлись прологом к бракосочетанию.

Нравы были такие. Соблазнил девчонку, лишил невинности – женись, если ты мужчина. Это было гласным и негласным правилом поведения.

Не у всех именно так получалось. Оксана свой первый опыт помнила плохо. Как-то на одной вечеринке она перебрала вина. Голова кружилась, подташнивало. В это время к ней подкрался один хмырь, растележил, раздел... Изнасилования, конечно, не было. Оксана не сопротивлялась. Но и восторга первых отношений она не получила. Клеился к ней этот парень потом, но от его вида в совокупности с воспоминаниями Оксану тянуло блевануть. Какая уж там любовь.

– Наверное, ты права, – немного подумав, продолжила размышления вслух Анжелика.

– Вот Вовка Коровин – маленький такой весь. А шустрый и работоспособный, как кролик. Я с ним всю ночь прокувыркалась почти без перерыва. А Федя Еремеев пока раскачается, пока кровь заполнит его напрягающийся могучий «интеллект», нужно время. Короче, проблематичненько получается. Да, ладно. Оксан, давай я себе выберу Дживана, – начинает мечтать Анжела. – У него такие красивые, с поволокой, грустные карие глаза. А ресницы такие черные и длинные, как будто бы глаза подведены косметикой. Все, этот красавчик будет мой! – заявляет тональностью, не терпящей возражений, Анжелика.

– Ну и ладно, хрен с тобой, дорогая подруга. Тогда у меня будет блондинистый Генка, – соглашается Оксана.

Они весело и озорно смеются. Девушки усаживаются и начинают ожидать приезда парней на чуде советского автопрома – запорожце Геннадия. Машина хоть и не очень помпезная, но зато ее можно на руках вытащить из любой ямы или ухаба.

Тем временем, в другой компании также идет подготовка к выезду в лес. Иван Михайлович Говорунов застолбил дежурную машину управления строительства предприятий лесосырьевой базы Усть-Илимского ЛПК для заброски на самые лучшие лесные поляны. Там о таежных дарах природы знают толк лучше других. А для него, старшего диспетчера ПРО «Братскгэстроя», отказов по транспорту быть не может. Его друг Александр Иванович Стародедов должен был прихватить с собой своего главного инженера СМУ УСД (строительно-монтажного управления строительства дорог) Виктора Кирилловича Устюжина. То была его инициатива проветриться на свежем воздухе. Разрядиться от напряженных трудовых будней на природе.

Наступил назначенный час. Скромный автомобиль «Запорожец» понес по дороге квартет молодых людей с не очень скромными желаниями. Гена рулил, а Дживан развлекал Оксану и Анжелику анекдотами. Потом не с того не с сего Генка вдруг как запоет: «По ухабам, по ухабам, едем к бабам, едем к бабам».

– Геныч, ты че, сдурел? Девчонки-то уже с нами едут, – перебил его Дживан.

– Ой-е, это так, вырвалось само собой, – захихикал Гена Айзянов.
Все стали весело смеяться.

В другой компании Александр Иванович Стародедов в штормовке, обутый в резиновые болотные сапоги, заходит за своим начальником. Виктор Кириллович сидит в своей квартире одинокий и угрюмый. Жена уже полгода как уехала в Калининград к родителям. Надо сидеть с больной мамой. А он холостякует, проводя почти все время на работе. На столе стоит распечатанная бутылка коньяка. Он посмотрел на Александра и задумчиво произнес:

– Саша, да ну ее нахер эту поездку. Давай лучше расслабимся. Скажи Ивану, чтобы снял с маршрута дежурку. Пусть приезжает ко мне.

– Хорошо, шеф, – улыбается Александр.

Через полчаса Иван в боевой готовности стоит на пороге.

– Какие планы, мужики? Вместо леса с ягодами предлагаю заняться женщинами с их прелестями – персиками и розочками.

– Это как? С сисечками и сокровенными лепесточками губ? – смеется Александр.

– Ну вы просто поэты, какие образные сравнения, – восхищается Устюжин.

Иван, как деловой человек, быстро отправляет шофера на рынок. Через некоторое время тот привозит ведро с брусникой.

– Сашке для отмазки для жены пригодится. Алевтина у него строгая, – заключает знаток женских душ Иван.

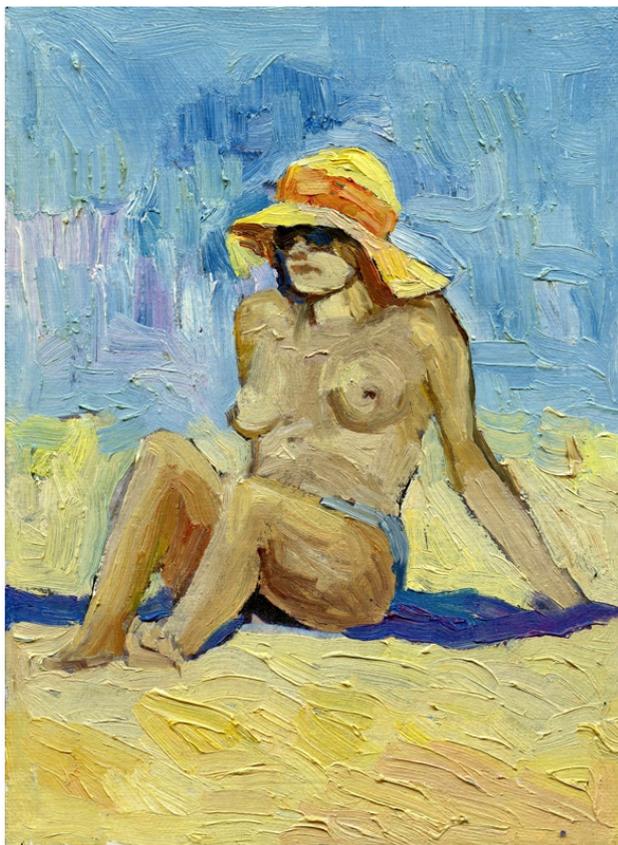
Это на работе Саша командир. А дома он сознательно отдал руководство семейным бытом своей красавице жене.

– Мужики, я с вами в ресторан не пойду, – говорит Александр. – Не хочу и одет я по-бичевски. Да и жену расстраивать нет желания. Кто-нибудь настучит. Мир не без добрых людей.

В этот момент Виктор Кириллович достает костюм, рубаху, галстук. Оба они мужики рослые, размеры близкие.

– Саша, нельзя друзей бросать. Как же мужская солидарность? Брусника заготовлена. Сапоги промочим, штормовку перепачкаем на всякий случай. Или ты бздун? Не мужик? – подтрунивает Кириллыч.

– Ладно, только не надо понтов и подъе... Пошли. Уговорили уже, соблазнитель коварные, – соглашается Александр.

Запорожец остановился на живописной поляне. В небе поют птицы. Свежий ветерок доносит до сознания ароматы девственной тайги и ее благоухающей природы. Запахи дурманят. Здесь еще не ступала нога человека. Рядом просеку прорубали первопроходцы, после них сюда никто не заходил. Здесь бегали красавцы олени, изюбри и косули. Здесь токовали глухари, которые в порыве любви не слышали и не видели ничего вокруг, кроме своих самок. Инстинкт продолжения рода затмевал перед ними все. Только его любимая, которую он закружил в своем лихом и чувственном танце. Только она. И никто больше не мог владеть его сознанием, его чувствами.

Вот и наших молодых людей охватили порывы нежных чувств. Вот и они забыли обо всем. Из леса доносилась мелодия любви, она звала, она завораживала, она пела и торжествовала. Анжелика взяла за руку Дживана. Она восторженно смотрела ему в глаза. Ее душа пела в унисон лесной мелодии. Молодые люди устремились в глубину леса. Анжела забегала вперед и пряталась за деревья. Дживан бегал, искал, кричал, начинал волноваться. Девушка неожиданно выскакивала перед ним и опять устремлялась в глубину леса. Она была неуловимой. Наконец Анжелика устала. Дживан поймал ее, обнял, нежно прижал к себе, и они опустились на траву, на лесной мохнатый ковер, весь усеянный бусинками брусники и черники. Анжелика погрузилась в сладкие, нежные и восторженные ожидания сказочных чувств любви. А Дживан начал погружаться в трепетное, дрожащее от удовольствия существо молодой девушки...

– Анжелика, любимая моя, – шептал Дживан. – Ты необыкновенная красавица, я не могу поверить, что это наяву. О такой женщине можно только мечтать.

– Дживан, дорогой, давай еще, еще сильнее входи в меня, не бойся. Ты такой сильный мужчина... а-а-а.

Дживан ласкал груди Анжелы, ее покатые бедра. Трепетно сжимал упругие ягодички. Его руки, как руки скульптора, скользили, обследуя произведение искусства, наслаждались соблаз-

нительными формами подруги – этим божьим даром. Потом он продолжал глубокое погружение в Анжелу и их общий омут восторженных чувств.

У запорожца тоже происходило торжество плотской любви. Оксана овладела Геннадием. Да, именно овладела. Он, как неопытный школяр, полностью подчинился ей. Лежа на спине, он любовался через расстегнутые полы светло-бежевого плаща точеной фигурой Оксаны. Она уселась сверху, погрузив в себя вздыбившийся и возбужденный «нефритовый стержень» Геннадия.

Ее ритмичные движения придавали порывистый азартный ритм сознанию, дыханию, сердцебиению. Ее упругие груди с темно-бордовыми сосцами описывали замысловатые траектории в этом танце любви. С этим же ритмом в такт глубоким погружениям неслись ввысь крики и стоны восторга и удовольствия. Наступательными, вертикальными, продольными и вращательными импульсами движений она заставляла Геннадия отползать, перемещаясь по таежному ковру. Ягоды брусники и черники лопались при этом, окрашивая одежду Геннадия своими несмываемыми чудесными красками. Потом партнеры поменяли позицию. И уже Оксана, утопая в волшебных красках оргазма, окрашивала свои одежды соками таежной переспелой ягоды.

Завершение акта восторженного и сладострастного удовольствия произошло почти одновременно, как взрыв фугасной бомбы. Неистовые крики из лесной чащи и с поляны возле запорожца слились в единый энергетический поток, извещая Вселенную о торжестве жизни и любви.

Да, это была любовь, замешанная на огненной страсти. Да, это было сильное чувство, которое не было связано какими бы то ни было обязательствами. Может быть, это разврат, но он такой сладкий и манящий. Как тяжело мужчине устоять перед этой трепетной волной удовольствия. Как нелегко девушке решиться на такое. А уж решившись, сломя голову она стремится испытать все до дна, как в последний раз. А чего бояться-то? Ведь никто не узнает об этом приключении. Невольные свидетели: вороны, дятлы, бурундуки и другие обитатели тайги вряд ли разболтают об этой встрече молодых людей. Они не умеют говорить, и у них нет людского коварства. Да и в Усть-Илимске они не бывают, у них свой дом – тайга.

Вдруг у Геннадия запиликал мультитон. Это устройство подобное пейджеру. Оператор с промплощадки по эфиру через мощный радиопередатчик вызывает нужного абонента. На звуки и вибрации вызываемый человек должен отреагировать. Двусторонней связи не было. Ему надо было срочно подойти к ближайшему телефону и набрать номер оператора. А телефоны тогда были стационарными, сотовых телефонов еще не изобрели. Оператор при этом сообщит экстренную информацию. Куда надо бежать и что предпринять, производственная дисциплина, тут не шуточки. Девушки переглянулись. Все догадались, что надо ехать в город. Парни стали собирать вещи, раскиданные по поляне. А девчонки стали срочно собирать грибы в ведро Геннадия. Он сказал, что обещал жене привезти домой дары природы. Божьим даром от тел ребята уже насладились, а вот со сбором природных даров случилась незадача. В ведро летело все подряд: маслята, рыжики, грузди и даже мухоморы с поганками. Надо наполнить, а уж потом дома разберутся, что к чему.

Вороны смотрели со стороны на людей и смеялись, громко каркая. Светло-бежевые модные девичьи плащи из ранее однотонных приобрели новый окрас – в бордовый и черный горошек, причем только со спины. Рисунок сказочный. Если бы его увидел Вячеслав Зайцев или другой какой-нибудь кутюрье, наверняка бы он взял на вооружение цветовую гамму в свою новую супермодную коллекцию, такой-то загадочный окрас!

У парней штормовки, на них природные художества не так заметны. На обратном пути Дживан заключил:

– Грибов набрали немного, но ползунихи – полный короб.

– Да, ползунихи намного больше, – подтвердила, смеясь, Оксана.

– Еще и плащи перекрасили в самый замысловатый цвет. Может, мы станем законодателями новой моды, – заулыбалась Анжелика.

Все опять стали дружно смеяться.

А в это время наши исследователи персиков и розочек сидели в ресторане. В левобережье был только один ресторан, и попасть туда было непросто. Но это не для Ивана Михайловича, он мог все.

И вот наши герои уже пьют и танцуют. Хотя танцами этот процесс назвать трудно. Под громыхающую музыку подвыпившие посетители трясли всем тем, чем были богаты. Под звуковые раскаты тряслись переспелые груди взрослых теток и маленькие мячики подрастающих бойцов, вернее бойчих, сексуального фронта. Мужики трясли тем, что мешает плохому танцору. Кто-то праздновал юбилей или иной праздник. А кто-то пришел на съем партнера на ночь. У каждого были свои резоны, свои проблемы и заботы.

Иван с ребятами засиживались подолгу за столом, пропуская танцевальный марафон. При их крепком, молодом и закаленном здоровье надо было много водки, чтобы потом разбушлатиться. Официантки же старались изо всех сил. Они, казалось, готовы были вывернуться наизнанку, чтобы угодить своим заслуженным и щедрым посетителям. Вероника, молоденькая труженица ресторанного сервиса, постоянно следила, чтобы рюмки клиентов были всегда наполнены до краев. Она услужливо наклонялась и всякий раз, когда мужики выпивали, вновь наполняла огненной водой опустевшие бокалы. Ах, какой прекрасный вид открывался в ее декольте при каждом наклоне! При этом она невзначай прикасалась к Сашкиному уху. Ах, какие это были прикосновения! Сосцы ее упругой груди скользили по ушной раковине Александра вниз и потом, бороздя эту чувствительную поверхность, возвращались обратно. Прикосновения, вызванные этими движениями, были легкими, скользящими и обжигающими. Они возбуждали, будоражили сознание молодого парня. Его воображение рисовало картины обнаженной натуры. Перед глазами проплывали образы героинь художников эпохи Возрождения из Эрмитажа. Фантазии бурлили. Он уже почти чувствовал проникновение в жаркое

лоно этой завораживающей красавицы. Он уже чувствовал нежное щебетание ее губ, ее смелые поцелуи. Его взяла в плен энергия Венеры – богини любви. Вокруг него стали кружиться сказочные купидоны. Грудь девушки была свободна от бюстгальтера, и сосочки, как локаторы, воспринимая возбуждение мужчины, передавали чарующие импульсы ее сознанию. Она тоже возбуждалась все сильнее и сильнее. И к середине вечера Веронике стало невмоготу. Захотелось сексуальной близости. Захотелось бурного секса.

Тем временем жена Александра Ивановича Алевтина исходила злостью, ревностью и негодованием. Ей по домашнему телефону какая-то доброжелательница сообщила:

– Вашему благоверному официантка в ресторане сиськами массирует уши. Наверное, скоро они уже погрузятся в машину и предадутся любовным утехам на квартире у своих друзей. С ним еще двое кобелей других официанток за все места шупают. Будьте бдительны, можете потерять мужа, – и с чувством выполненного долга незнакомка повесила трубку.

В телефонной трубке долго звучали короткие гудки: «Пи-пи-пи-пи-пи».

«Прибью гада! Я дома сижу с тремя детьми, а он, козел, вместо поездки в лес чужими сиськами развлекается. Надо срочно ехать! А куда? Где он может быть? Нет, поехать – значит не уважать себя, значит быть полной дурой. Нельзя действовать сторяча. Нет, я не такая. Я дожусь своего донжуана дома. Дам ему выволочку по полной программе. Скажу, что заберу детей и уеду к маме. Он безумно любит сына и двух своих дочерей. Пусть пострадает, гад. Ну держись, Стародедов».

Потом Алевтина начала немного успокаиваться: «Все равно я люблю своего мужа. Я люблю его, люблю, он мой, он мой».

Алевтина положила на место телефонную трубку.

А в это время наши герои уже ложились спать. Вероника взяла с собой еще двух подруг, и они начали располагаться в квартире Виктора Кирилловича Устюжина.

– В супружескую спальню никому не заходить. Прибыю! – орал пьяным голосом Виктор Кириллович.

Сам, обняв Клавдию, молоденькую девчонку, подругу Вероники, запустил руки к ней под блузку и, перекатывая груди, поковылял с ней в зал.

– Продолжаем гулянку! – звучал его зычный, командный голос.

Коньяк на столе. В связи с отсутствием закуски в квартире, находящейся в холостяцком режиме, решили заедать брусничкой. Благо, ее много, целое ведро. Пили еще, пели песни.

Однако «хотельчик» сильно стучался в затуманенное сознание. Кобелиные рефлексy не давали много пить и не позволяли опьянеть. Саша с Иваном, взяв Веронику и Машу, пошли устраиваться в детскую комнату. Комната небольшая, примерно пятнадцать квадратных метров. По бокам две кровати, посередине стол – вот и все нехитрое убранство. Саша с Вероникой начали устраиваться на одной кровати, Иван с Машей – на другой. А чтобы устроить перегородку, перевернули стол и поставили его на полу. Эдакая ширма получилась, закрывающая обзор кроватей.

– Ваня, я стесняюсь, – прерывисто дыша, шептала Маша.

– Да не бойся ты, ничего же не видно, – бурчал басом Иван.

А в это время выше кромки стола уже начала взлетать в бешеном ритме задница Александра. Послышались стоны и всхлипывания обезумевшей Вероники. Она тяжело дышала. А задница партнера продолжала взлетать и опускаться, прячась за импровизированной не очень высокой ширмой.

– Ну вот, пока ты ломаешься, у ребят уже процесс в полном разгаре, – продолжил уговаривать свою партнершу Иван.

– Вань, а ты мне стихи почитай. Ну этого, как его... Айвазовского.

– А он че стихи писал?

– А ты почитай.

– Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя...

– Не, мне про любовь надо.

– Е-мое. Я уже не могу. Сейчас яйца лопнут.

– А мне страшно, я так не хочу. Как без любви-то этим заниматься? – снова закричала Маша.

– Да я тебя уже почти люблю, – снова забубнил Иван. – Какая у тебя красивая грудь. Попочка просто загляденье, – начал вещать молодой мужчина.

– А как же душа? – засомневалась снова Маша.

– Ну, душу с первого раза не разглядеть, надо раза два или три.

– А мы будем еще встречаться?

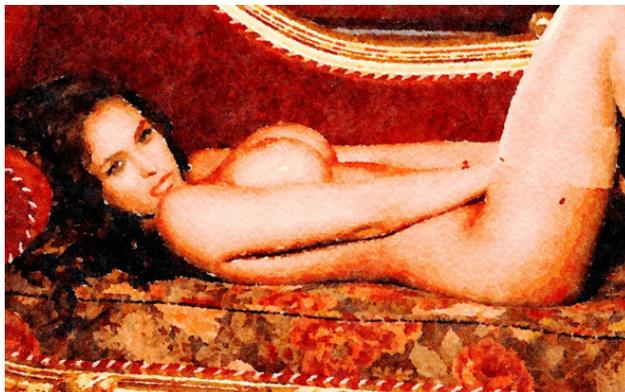
– Конечно, будем, безусловно. Такую девушку, как ты, надо познать поглубже, – и Иван вошел на всю глубину...

– Ой, как хорошо, как здорово, – начала дрожащим голосом шептать Маша. – А-а-а, я кончаю, – ее молодое тело охватили сладкие судороги. – А-а-а, Ванечка, любимый. Ваня, Ваня, а-а-а...

Маша затихла, она была на вершине плотского удовольствия. Оргазм Маши, как спусковой механизм, запустил волну сладострастия у партнеров, находившихся по ту сторону баррикады – перевернутого стола. За ширмой слышались пронзительные стоны, и там тоже прозвучал финальный аккорд.

– Саша, Сашенька, ты подарил мне море счастья. Ой, ой, ой, – голос Вероники дрожал, замирая на высокой ноте.

Этот оргазм был невероятной силы. Он вобрал в себя энергию четырех сексуальных партнеров. Он лишал сил и дара речи. Потом это повторялось и повторялось много раз. Оргазмические ураганы охватывали то одну, то другую пару. Виктор Кириллович тоже не отставал от нашего квартета. Он порадовал Клавдию своей неутомимой энергией. Она вся светилась от счастья и восторга.

Утром решили похмелиться, и пьянка перешла в новую фазу, плавно перемещаясь из пятницы в воскресенье. Пили, занимались сексом, потом снова пили, потом опять секс. Настоящие гиганты и того, и другого. Таких парней сейчас встретить трудно. Измельчало, однако, мужское племя.

Воскресный вечер. Пришло время сдавать Сашу родной жене. Дежурка привезла его к дому на Новом городе, так назывались микрорайоны, возведенные в связи со строительством ЛПК. Водитель довел подопечного к дверям квартиры, позвонил и убежал. Александр с ведром в руках, в болотных сапогах и костюме Кириллыча с галстуком. Брусники в ведре осталось совсем немного – на доннышке. Потом, когда Алевтина в праведном гневе надела на голову мужа это ведро, было не очень опасно и обошлось без сотрясения мозга. А если бы полным ведром по башке под горячую руку – результат мог бы быть печальным. А так пронесло. Буря в семейной гавани вскоре улеглась. Однако Ивану Михайловичу Алевтина запретила приходить домой к Александру. Может, это было под запарку, а может, она просто переживала за своего любимого мужа и стремилась оградить его от потенциальной опасности, как маленького ребенка.

Вот и наш Геннадий из другой компании на своем запорожце прибывает к родному дому. Трезвый, как стекло, и с полным ведром грибов он гордо входит в квартиру. Встречает его жена с дочками. Они сразу садятся на кухне перебирать грибы. Через пару минут к Геннадию подходит супруга. Руки в боки, на лице гримаса, полная праведного гнева. Голос ее подрагивает:

– Ну-ка, пойдем на кухню, дорогой, – говорит она металлической интонацией. – С кем грибы собирал, скотина, рассказывай, – и протягивает ему несколько длинных блондинистых волос.

«Ух ты, – пронеслось в голове Геннадия, – это Анжелика, наверное, оставила свою метку невзначай». А вслух начал бляеть:

– Ну это... значит... типа... я... бэ...

– Ах ты гаденыш! – кричит разгневанная супруга и со всего маха надевает ведро с грибами на голову Геннадия.

Грибы катятся по плечам, груди, спине и валятся на пол...

Мудрые друзья давали советы о линии поведения с женой в подобной ситуации. Бывалые гулеваны делились своим большим опытом. Они советовали, как нужно выходить из кризисной ситуации. Александр и Геннадий через небольшой промежуток времени придумали свои

отмазки. Они любили своих жен, они желали мира и покоя в своих семьях. Женам ничего не оставалось как поверить своим непутевым мужьям. А куда им деваться? Лучше поверить, что муж не врет. В своих пороках он не признался, значит, и не было измен. Лучше так думать, чем изматывать себя и мужа мучительными сценами ревности и бесконечными упреками. Зачем разрушать свою семью, свое счастье. Воистину, мудрое решение умных женщин.

А я чего-то задумался. Не было раньше такого масштаба педерастизма, как сейчас. Мужики увлекались женщинами.

Так, может, женщинам нужно было меж собой кинуть клич: «С чужими мужьями ни-ни, сама не дам никому – только мужу». Хороший почин, почти как «Пятилетку в четыре года!». Был у нас такой лозунг при социализме. Тогда, может, и переживаний женских меньше было бы.

Вот написал, и самому смешно стало.

– А если мужа или жены нет, что тогда?

– Женись, выходи замуж, – кричит мой внутренний голос.

– Да помолчи ты, однако, – останавливаю его я. – Не всегда и не все лозунги и почины воплощались в реальную жизнь. А в чужую личную жизнь лезть негоже, некрасиво это.

Поджаренные яйца

Шел холодный дождь, пронизывающий ветер сдирал с деревьев остатки листвы. Осень постепенно начинала сдавать свои позиции приближающейся зиме. Уличные воробьи, нахорлившись, угрюмо сидели на колодезных люках теплотрассы. Они прекрасно понимали, что скоро ударят морозы и начнется нелегкая зимняя жизнь. Вернее, борьба за выживание. Кому-то из них не суждено справиться с таким испытанием. От ощущения этого было еще больше грусти и тоски.

Тем временем Василий сладко потянулся и вылез из теплой постели. Они с Олесей, замагом усть-илимского «ЛесУРСа», всю ночь прогревали ее в страстных объятиях и бурных поцелуях со всеми присущими этим действиям радостями жизни. Очередная ночь была незабываемой, очередная новая партнерша радовала Василия своей необузданной страстью.

«Как так? – думал молодой руководитель строительного управления. – Откуда берется такой темперамент?»

– Наверное, природа противопоставляет вечной мерзлоте нашего северного края свои противовесы. Уравновешивает климатический холод знойностью и жаром любовных отношений, – начал вслух рассуждать Василий.

– Миша, я правильно понимаю эту тему? – уже громко обращается он к другу.

Миша ежится, выходя из соседней комнаты, и голышом прошмыгивает в ванную комнату. За ним следом выходит Наташа – подруга Олеси и товаровед «ЛесУРСа». Она обнажена, разгорячена и без всякого стеснения и смущения спрашивает хозяина квартиры:

– Василий Семенович, где тут кофейку испить можно?

– Возьми халат в шкафу, накинь на себя, а то еще простынешь, и иди на кухню.

– С вами тут простынешь, у меня из одного места аж дым готов повалить. Михаил Иванович такой мачо, такой жеребец! – игривым голосом произносит девушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.